

СЕРГЕЙ СОРОКИН

ТОМ 2

КОМАНДИР БОМБАРДИРОВЩИКА

Командир бомбардировщика

Сергей Сорокин

Командир бомбардировщика - 2

«Автор»

2026

Сорокин С.

Командир бомбардировщика - 2 / С. Сорокин — «Автор»,
2026 — (Командир бомбардировщика)

Пятьдесят пять лет, тридцать лет в небе и последний боевой вылет. Подбитый ракетой, командир стратегического бомбардировщика Павел Иванов спасает экипаж и направляет горящую машину в цель. Но вместо смерти приходит новое падение — уже в чужом молодом теле, за штурвалом израненного самолёта над Балтикой августа 1941 года. У Павла есть опыт лётчика XXI века, но нет ни привычных приборов, ни надёжной техники, ни права объяснить, откуда он знает будущее этой войны. Вокруг — отступление, разбитые машины, люди на пределе сил и экипаж, который ещё только должен поверить своему командиру. А впереди — приказ, звучащий почти безумием: поднять тяжёлый бомбардировщик и идти на Берлин. Чтобы выжить, Павлу придётся заново освоить старое небо, вернуть в строй обречённую машину и научиться принимать решения, где цена ошибки — четыре жизни. Здесь не будет лёгких чудес. Только мастерство, ответственность и железная воля человека, который уже однажды выбрал не себя.

Содержание

Глава 1	5
Часть I. Четыре километра	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Часть II. Квадрат в море	34
Глава 6	36
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Сорокин

Командир бомбардировщика - 2

Глава 1

Часть I. Четыре километра

Машина нехотя поднимает нос, и в тот же миг правая плоскость проседает мне под руку. Я возвращаю ручку на волос, давлую левую педаль, ловлю крен ещё в начале. За лобовым стеклом вода с каждой секундой занимает всё больше неба. Пламя у правой мотогондолы освещает гребни сбоку; они бегут к нам наискось, короткие, частые. Сесть вдоль них уже не успеть. Поверну — потеряю остаток высоты и подставлю огню весь поток.

— Аркадий, куда несёт? — Я чуть отпускаю ручку, возвращая крылу скорость. В ответ самолёт перестаёт валиться вправо, зато море поднимается быстрее. — Мне нужна линия касания, а не берег. Берег мы уже проиграли.

— Вижу. — Литвинов пригибается к боковому стеклу, в одной руке держит карандаш, второй прижимает раскрытый планшет к колену. Свет от горящего крыла проходит по его лицу полосами. — Ветер нам в правую скулу. Гребни идут поперёк, примерно на четыре часа. Если довернёшь за ними, правое крыло возьмёт воду первым. Держи нынешний курс, а перед самым касанием я дам полшага влево.

— Полшага самолётом я тебе исполню. Высоту называй через пять метров и следи за берегом: если впереди светлая полоса, скажешь раньше, чем я её приму за блеск.

— Берег левее носа, — Литвинов быстро сворачивает карту, но карандаш прячет за воротник, словно через минуту снова понадобится писать. — До него три с половиной, может, чуть больше. Под нами тёмная вода, отмель дальше. Высота сто восемьдесят. За берег больше не торгуйся, командир: сейчас можно выиграть метров двести и проиграть управление.

Я слышу в его голосе то, что раньше Литвинов оставлял себе: он уже выбрал. Штурман не просит меня согласиться с цифрой. Он ставит её между мною и водой, как ставил на карте точку разворота. А у меня руки всё ещё помнят самолёты, которые планировали лучше этого обгоревшего, пробитого, нагруженного на одну сторону железа. Опыт шепчет: потяни, преврати высоту в дальность, дожди до отмели. Ручка под ладонью отвечает иначе — мелкой вялой дрожью. Скорость подходит к границе, где правое крыло перестанет быть крылом.

— Тимка, что с огнём? — Я держу нос так, чтобы приборная доска не заслоняла воду, и не отвожу взгляда на стрелки: теперь они запаздывают за тем, что уже чувствуют ладони. — Смотри корень крыла, бак и кромку. Докладывай изменение, а не цвет.

— Слышу, командир. — В наушниках трещит, затем голос Журавлёва становится чище: он отнимает одну руку от передатчика и прижимает микрофон ближе к рту. — У корня течёт горящее, полоса стала шире на ладонь. До бака глазами не доберусь — дым лёг сверху. По задней кромке чисто. Ветер прижимает пламя к обшивке, пока оно назад не рвётся.

Последний квадрат Тимка уже отдал. Теперь он снимает питание с передатчика, переносит нож на шнур у запястья и берёт аварийный мешок на колени. Рация останется самолёту; Журавлёв должен выйти к лодке, не возвращаясь в воду за железом.

— Сто пятьдесят, — Литвинов проводит ногтем по обрезу стекла, совмещая гребни с кромкой переплёта. — Снижение растёт. Нос отпусти ещё на палец. Сейчас крыло держится за счёт угла, а не твоего желания.

— Вижу.

— Тогда исполни, — он поворачивает голову ко мне и впервые за весь вылет смотрит не вниз, не на карту, а прямо в лицо. — Тебя к берегу тянет. Я тоже вижу землю. Она уже чужая для этой посадки.

Я отдаю ручку от себя. Нос опускается настолько мало, что человек в кабине не заметил бы движения, зато в ладони возвращается вес. Правый элерон снова отвечает. За это мы платим высотой: море рывком приближается, отдельные гребни становятся видны между вспышками огня.

— Исполнил. Дальше веди, — отвечаю я, удерживая возвращённый вес на ручке и проверяя правый элерон коротким движением кисти.

— Так держи. Сто тридцать пять. До касания меньше полуминуты, — Литвинов снова совмещает тёмную дорожку с кромкой переплёта.

— Федя, твоя очередь, — говорю я в микрофон. — Что готово у кормы?

Из задней части доносится глухой удар и протяжный скрежет. Костенко отвечает только после второго удара; он тянет что-то обеими руками и говорит между рывками.

— Лодка снята с крепления, чехол закрыт, ручной мех внутри, — сообщает Костенко между рывками. — Мешок пристегнул коротким концом к поясу, ремень затянул, два ножа приготовил. Нижний люк ходит лишь наполовину; до касания его не открываю.

— Назначьте, кто примет меня снаружи, — требует он, ударяя ладонью по крышке. — Тимка берёт короткий конец на предплечье: один рывок — линь у него, два — путь чист. Если сигнала нет, я не жду вас в воде по грудь: режу крепление, выталкиваю лодку и выхожу сам. Плавать я не умею, а возле воды работал; за обвод удержусь.

Я принимаю порядок. Тимка подтверждает, что нож получил и верёвку не зажмёт в кулаке. За три вдоха они договариваются: одной рукой Федя держит обвод, второй подаёт мешок; Журавлёв принимает его на левом борту. Я оставляю последнее слово за их руками.

— После воды разберётесь, кто кого толкал. Аркадий, выход.

— Через верх штурманской. Крышка отжата, защёлку держу ладонью, чтобы ударом не захлопнуло. После касания выбрасываю планшет на левую сторону, сам за ним. — Он говорит медленно, сверяя каждое движение с кабиной. — Тетрадь на груди, внутренний карман застёгнут. Если люк поведёт, пойду к тебе наверх. Вниз в носовую часть после воды возвращаться нельзя: там первым прижмёт.

— Правильно. Ты выходишь первым из носа и принимаешь мой страховочный конец у фонаря. Я покидаю кабину после переключки троих.

— Ты покидаешь, когда вода дойдёт до сиденья, — поправляет Литвинов, продолжая держать взгляд на море. — Если нас троих будет слышно, а фонарь заклинит, твоя последняя очередь превратится в последнюю ошибку. Назови себе границу сейчас.

В его просьбе нет красивой заботы о командире. Он снова требует числа, потому что расплывчатое «после всех» нельзя исполнить в тонущей машине.

— До нижней кромки сиденья. Либо крен правее двадцати градусов. Что придёт раньше, то и будет моей командой выйти. Если к тому времени Федя не отзовётся, наружу всё равно выхожу и иду к его люку с воды.

— Вот теперь по линейке, — отвечает Литвинов. — Сто метров. Скорость у нижней черты. Ручку от себя ещё чуть-чуть.

— Отдал.

Указатель скорости дрожит, цифра на нём расплывается от огненных бликов. Я перестаю смотреть. Правое крыло снова просит опоры: ручка делается легче, по ней проходит едва заметный толчок, как предупреждение перед настоящим срывом. Земля левее носа уже не цель, а тёмная черта, над которой висит низкое облако. До неё можно было дотянуть на исправной машине. Эта машина закончила полёт раньше берега.

— Восемьдесят, — говорит Литвинов. — Гребни идут на нас справа. Точка впереди: между двумя светлыми дорожками есть тёмный промежуток. Веди туда. Там волна разошлась после порыва, получишь несколько корпусов ровнее.

Я нахожу промежуток только после его слов. Огонь справа уничтожает ночное зрение, зато Литвинов смотрит вперёд из нижней кабины, прикрывая пламя переплётом. Его тёмная дорожка смещается влево. Я даю педаль и чуть наклоняю машину, не разворачивая её целиком.

— Так?

— Ещё нос на толщину кромки. Хорошо. Держи. Шестьдесят.

Тимка подтверждает, что верхняя установка застопорена, крышка свободна, нож и мешок при нём. После удара он сперва возьмёт Федин линь, затем лодку. Голос у него тише прежнего, зато порядок назван без пропуска.

— Сорок, — Литвинов говорит поверх него. — Не тяни. У тебя хвост уже съедает скорость.

Я чувствую ту же угрозу и всё-таки прибираю ручку. Совсем немного. Ум просчитывает лишние метры до берега, хотя решение уже принято. Самолёт поднимает нос, скорость проседает, правая плоскость вздрагивает сильнее. На миг ручка перестаёт сообщать что-либо, и вместе с этим в кабине становится страшно тихо: даже свист у переплёта меняет тон.

— Отдай! — Голос Литвинова ударяет снизу, низкий и твёрдый. Он уже не считает для меня, он командует пилоту. — Павел, отдай сейчас! Ещё потянешь — ляжем правой раньше хвоста!

Молодая рука сжимает ручку, а память старого инструктора требует последнего подтверждения. Я успеваю заметить, как правый край огненной полосы проваливается относительно горизонта. Вот оно — телесное доказательство, которое Литвинов запретил мне ждать.

Я толкаю ручку вперёд раньше, чем крыло срывается.

— Отдал. Веди дальше.

— Держи это положение. Тридцать. Берег остаётся слева, забудь его. Перед нами одна волна крупнее, за ней провал. Касаться в провале.

— Вижу крупную.

— До неё семь секунд. На пятой повернёшь влево, только носом, без крена. На третьей начнёшь выбирать ручку. Я дам счёт.

Кабина вокруг сужается до его голоса и давления в ладони. Огонь, берег, стук небранного предмета за спиной — всё остаётся снаружи. Вода идёт навстречу, большая волна поднимает белую спину. За ней действительно темнее и ровнее.

— Семь, — говорит Литвинов, и я вижу, как он освобождает левую руку от планшета и прячет её под ремень на груди. — Шесть. Пять — нос влево.

Я давлю педаль. Самолёт нехотя поворачивает на несколько градусов, правое крыло остаётся выше гребня.

— Четыре. Ноги в упор. Три — выбирай.

Ручка идёт на себя. Сейчас я беру не высоту и не расстояние, а угол касания. Нос поднимается, море исчезает под приборной доской, и я вижу только верхушки гребней по сторонам.

— Два. Хватит тянуть, держи там. Один.

Хвост встречает воду раньше, чем я успеваю услышать удар. Самолёт вздрагивает всем телом, ремни впиваются мне в ключицы, ручка стремится уйти вперёд. Я удерживаю её, чтобы нос опускался сам, а не падал. Под фюзеляжем начинается низкий дробный гул: вода бьёт по листам обшивки, ищет швы, отрывает всё, что выступает.

— Касание! — кричит Литвинов, хотя мы все уже знаем это костями. — Держи нос!

— Держу. Голову вниз!

Большая волна проходит под хвостом и поднимает левую половину машины. Правое крыло садится глубже. Обгоревшая законцовка режет следующий гребень, цепляется за плотную воду, и весь борт разворачивает вокруг неё.

Левая педаль ударяет меня в подошву. Ручку вырывает вправо. Я наваливаюсь плечом, стараясь удержать плоскости, но самолёт уже слушается моря. Правую мотогондолу швыряет в воду, оттуда приходит тяжёлый, отдельный удар. Металл под полом лопаётся протяжно, будто кто-то рвёт огромный лист руками.

Меня бросает вперёд. Плечевые лямки удерживают грудь, таз уходит под поясным ремнём, а правое колено находит нижний край доски. Вспышка боли белее пламени закрывает

зрение. Ступня слетает с педали. Я возвращаю её на ощупь, хотя управление уже почти потеряло смысл.

Самолёт скользит боком. Правое крыло тормозит, хвост обгоняет нос, затем вода подхватывает брюхо и швыряет его вверх ещё раз. Во второй удар я слышу, как впереди звенит стекло и Литвинов коротко выдыхает сквозь зубы. Позади грохочет верхняя установка, Тимка ругается одним длинным словом, не переставая что-то удерживать. Из нижней точки приходит голос Феи:

— Лодка при мне! Ремень держит! Люк ещё закрыт!

— Сидеть! — кричу я. — Пока движемся — сидеть!

Огонь с правой стороны накрывает водой. В кабину врывается пар, смешанный с едким дымом, на стекле мгновенно проступает мутная плёнка. Горящая полоса гаснет у конца крыла, вспыхивает ближе к корню и снова пропадает под гребнем. Мы разворачиваемся почти поперёк волны. Нос проваливается, хвост поднимается, и последний рывок приходит не спереди, а снизу и справа.

Что-то в обшивке под моим сиденьем сдаётся. Холодная вода бьёт по сапогам струёй, сразу до щиколоток. Самолёт проходит ещё несколько корпусов, тяжело подрагивает и останавливается с правым креном.

Я держу ручку обеими руками, пока она окончательно не замирает.

После грохота наступает тишина, в которой самолёт продолжает ломаться. Где-то под нами постукивает сорванный лист; каждый новый удар тише предыдущего. Вода шипит на горячем моторе. Из правой плоскости поднимается пар, проходит через треснувший фонарь и оседает на лице тёплой влагой, тогда как ноги уже режет холодом.

Я отпускаю ручку и сразу жалею об этом: правая ладонь дрожит так сильно, что пальцы не попадают на пряжку ремня. Колено живёт отдельно от меня. В нём нет прежней ноющей боли, которую Лида проверяла у ящика; теперь под чашечкой распирает горячий тяжёлый ком, а ниже всё онемело. Я заставляю ступню повернуться. Сапог скребёт по полу. Значит, нога пока соединена с телом и может исполнить хотя бы одно движение.

Переключку я веду по рабочим местам и заставляю каждого назвать, что он держит. Литвинов правой рукой упирается в ремень, левой — в рамку люка. Носовая кабина садится, вода уже выше щиколоток. Стекло разрезало основание левой ладони; осколок Аркадий вынул, пальцы сгибаются. Планшет прижат к груди, крышка люка отжата. Штурман обещает назвать момент, когда кисть перестанет работать, и тем же условием связывает мою правую ногу: удар о доску он слышал из своей кабины.

Тимка отвечает лязгом рукоятки. При развороте его приложило скулой о прицел; кожа рассечена от уха к щеке, кровь в рот не идёт, глаз видит. Ремень снят, нож Феи у запястья. Крышка верхней установки приподнялась на два пальца и упёрлась: механизм свободен, металл после удара держит её спереди.

Я велю Журавлёву закрепиться шнуром за стойку и давить крышку назад по ходу, посадив сапог на твёрдую опору. Он сообщает, что крик будет означать работу, и наваливается плечом. Скрип переходит в визг. С третьего раза край отгибается, крышка вылетает из зажима, в кабину проникают ветер и свободный плеск.

— Пройм весь, — Тимка смеётся на одном выдохе и сразу проверяет край ладонью. — Вылезать могу.

Я оставляю его на месте до сигнала от кормы.

На нижней точке молчат. Вода уже доходит мне до середины голени. Самолёт опускается плавно, однако каждый гребень добавляет в кабину новую порцию через прорванный низ. Я нажимаю кнопку переговорного устройства, слышу лишь потрескивание.

СПУ у Феде отказывает. Он отвечает ударами по корпусу, тем самым стуком, которым останавливал чужие руки при ремонте: один — жив, два — свободен от ремня, три — лодка при нём. На вопрос о люке приходит длинный скрежет и сердитый удар. Крышку держит вода.

Я отправляю Тимку по левому борту к корме: принять Федин конец, осмотреть люк снаружи и не лезть под самолёт. Журавлёв пытается оспорить последнее — он легче и обе ноги целы, — но разрезанное лицо и двоящийся после удара свет дают ему право только на осмотр. После факта можно будет спорить о способе.

— Выполняю. — Тимка снимает шлемофон; его голос удаляется от микрофона, но он продолжает говорить, чтобы мы слышали работу. — Ставлю правую на сиденье.левой держу стойку. Голову вывел. Ветер справа. Корма высоко, левый борт чистый... Нож убираю за ворот, чтоб лодку не порезать. Выбираюсь.

Над фюзеляжем на секунду появляется его тёмный силуэт. Волна ударяет сбоку; Журавлёв припадает к обшивке, обнимает её всем телом и переживает. Потом садится верхом, поворачивает лицо ко мне. В тусклом свете я вижу на левой щеке чёрную дорожку крови. Он проводит по ней рукавом, смотрит на ладонь и машет мне: глаз открыт.

— Снаружи видно, что нос уходит быстрее! — кричит Тимка уже без переговорного устройства. Ветер отрывает половину слов, и он спускается ниже, держась за выступы. — Правый мотор в воде, левое крыло пока на поверхности! До Фединогo места доберусь по спине фюзеляжа!

— Не вставай. Ползи.

— Я и ползу! — Он перебрасывает ногу через антенное крепление, проверяет ладонью следующий участок и лишь потом переносит вес. — Здесь лист порван, край вверх! Обхожу сверху. Федя, слышишь меня? Я иду за твоей верёвкой!

Из нижней точки отвечают два удара. Федя слышит нас через корпус, хотя его микрофон утонул или сорвался. Теперь молчание не кажется пустотой: там работает человек.

Глава 2

— Аркадий, твой выход, — говорю я. — Планшет сперва наружу на левую сторону. Привяжи его ремнём к себе. Ладонь оберни краем рубахи, чтоб на обводе снова не разрезать.

— Уже обернул. Но ремень планшета зажал под сиденьем. — Литвинов тянет, ткань скрипит. — Если рвану, порву карту или ремень. Подниму сиденье правым плечом.

— Брось планшет, если держит тебя.

— Он меня пока не держит, я его освобождаю. — Штурман упирается, выдыхает со стоном и снова говорит ровно: — Подался на вершок. Ещё один. Вот... вышел. Ремень цел. Я встаю.

—левой рукой вес не принимай.

— Мне очень нравится, как вы командуете моей ладонью, сидя в другой кабине, — отвечает он, и сухость в голосе убеждает меня больше любого «цел». — Правой держу обвод. Колено на сиденье. Планшет наружу.

Над носом появляется прямоугольник планшета, затем голова Литвинова. Он выводит наружу плечо, замирает, потому что самолёт качнулся, и ждёт, пока гребень пройдёт. На его месте вода уже почти касается сиденья. Штурман знает это лучше меня, поэтому следующий приказ я оставляю при себе.

— Командир, на наружном борту острый край, — говорит он, поворачивая корпус боком. — Если полезу лицом вперёд, распорю живот. Выйду спиной, ногами к носу. Примете планшет, когда доползу?

— Приму. Сначала себя вынеси.

— Себя я каждый день выношу. — Он подсовывает планшет под грудь, опирается правым предплечьем на рамку и проталкивает таз. — Сейчас нужна точность... Левая нога снаружи. Правая идёт. Всё, я на фюзеляже.

Литвинов ложится грудью на обшивку. Порезанную кисть держит поднятой, пальцы всё ещё сгибаются. Ремень планшета проходит у него поперёк спины, нагрудный карман застёгнут до самой пуговицы. Вокруг шва кармана темнеет мокрая ткань, но вода ещё не льётся из него.

— Не ползи ко мне, — кричу я. — Жди на левой стороне и держись за рамку. Мне нужна твоя рука у фонаря, когда я выйду.

— Я вам оставил только правую. Она рабочая. — Он обматывает локоть ремнём планшета вокруг стойки и тем самым освобождает ладонь. — Нос осел ещё на четверть метра. До вашего сиденья вода дойдёт раньше крена. Начинайте фонарь сейчас.

— У меня ещё есть время.

— Время принадлежит воде, пока вы его не потратили. Начинайте.

Я берусь за рукоятку фонаря. На земле сдвижная часть ходила туго; после бокового удара направляющую перекосило. Первый рывок не даёт ничего. Второй сдвигает раму на ширину ногтя и останавливает. Колено не позволяет упереться правой ногой. Я переносу вес на левую, приподнимаюсь в ремнях и тяну всем корпусом.

— Павел, не рвите на себя, — Литвинов наклоняется к проёму, наблюдая за нижним роликом. — Задний край поднялся, передний сидит. Толкните сначала вперёд, посадите ролик, потом назад и вверх.

— Вижу.

— Вы не видите, у вас доска перед глазами. Я снаружи вижу. Вперёд на палец.

Мне хочется ответить, что кабину знаю лучше него, но это знание относится к целому самолёту, а Литвинов видит нынешний перекошенный ролик. Толкаю раму вперёд. Металл щёлкает и опускается в паз.

— Теперь назад, — говорит он, удерживая рамку правой ладонью снаружи. — На мой счёт вместе. Раз... два... пошёл!

Мы тянем с двух сторон. Фонарь скребёт по направляющей, идёт рывком на ладонь, потом ещё. В проём бьёт брызга. Литвинов прячет лицо в плечо, но руки не убирает.

— Ещё раз, — говорю я. — До конца не нужен, мне хватит плеч.

— До конца нужен, — отрезает он. — Если самолёт накренится во время выхода, рама прижмёт вам рёбра. Вперёд. Посадили. Теперь вместе.

На втором рывке фонарь сходит с погнутого участка и уезжает назад. Открытое море оказывается на расстоянии вытянутой руки. Ветер холодит мокрое лицо, а дым, прежде набивавшийся под стекло, вырывается наружу.

— Свободно, — Литвинов приседает у края проёма и протягивает мне правую ладонь. — Ремни снимайте. Левую ногу на сиденье, корпус сюда. Правой ногой не толкайтесь.

— Сначала Федя. Я ещё не получил сигнал.

— Вы его из кабины и не получите. Выходите на фюзеляж, оттуда увидите. Вода у вас уже у нижнего края сиденья. Вы сами назвали эту границу.

Холод касается низа подушки, будто подтверждает его слова. Мой приказ возвращается ко мне чужим голосом. Если останусь ещё на минуту, потом товарищам придётся вытаскивать меня из кабины с негнущейся ногой, и Феде от этого пользы не будет.

— Принимаю. Держи рамку, не меня.

— Рамку я уже держал. Теперь держу вас, — Литвинов упирается сапогом в продольный шов и протягивает руку ниже. — Когда подниметесь, дам опору под левое предплечье. Колено через край не тащите: повернитесь боком.

Я расстёгиваю поясной замок. Плечевые лямки падают в воду и тут же тянутся к пробоине, словно их засасывает течением. Поднимаюсь на левой ноге. Правая подгибается сама, и боль от колена проходит до паха; дыхание на секунду исчезает. Литвинов замечает, как я завалился.

— Нога не держит, — говорит он, уже не спрашивая. — Вес на моё предплечье. Только не на ладонь.

— Сам знаю, — огрызаюсь я, подтягивая к раме левое колено и оставляя правую ногу лежать на сиденье.

— Знать вы умеете. Исполнять сегодня учитесь. Давайте плечо, — Литвинов подставляет мне правое предплечье, упираясь коленом в наружную рамку.

Я кладу левое предплечье поверх его руки. Штурман принимает половину моего веса, отступает на коленях и вытягивает меня из кресла. Острый край фонаря проходит под поясницей. Правую ногу приходится перенести руками за штанину, иначе колено задевает раму. Я оказываюсь грудью на мокрой обшивке рядом с Литвиновым и только тогда позволяю себе вдохнуть до конца.

Снаружи видно, как мало машины осталось над морем. Носовое остекление уже заливают каждая вторая волна. Правая плоскость исчезла до мотогондолы; оттуда ещё выходят пузырьки и редкие языки пламени, но вода душит их один за другим. Левое крыло лежит на поверхности тёмной широкой полосой. Хвост держится высоко, и именно туда ползёт Тимка.

— Планшет привяжи к стойке, — говорю я Литвинову. — Если нас смоет, бумага не должна тянуть тебя вниз.

— Планшет останется на мне. Стойка уйдёт вместе с самолётом. — Он просовывает ремень под правую подмышку и затягивает выше локтя. — Тетрадь тоже при мне. Карман мокрый сверху, внутри тепло. Вода туда доберётся, если я лягу грудью. Значит, грудью больше не ложусь.

— Хорошо. Теперь смотри корму. Что делает Тимка?

Журавлёв добрался до верхней части фюзеляжа над нижней стрелковой точкой. Он лежит, широко расставив ноги, одной рукой держится за основание турели, другой шарит вниз вдоль борта. Федина верёвка показалась из тёмной воды, затем исчезла. Тимка тянется дальше, почти свешивается.

— Ещё ладонь! — кричит он Феде. — Поддай выше! Я вижу узел, а конец под водой!

Снизу слышится удар. Верёвка выскакивает на обшивку. Журавлёв ловит её не кистью, а кладёт поперёк предплечья, как велел Федя, прижимает локтем и отползает на полкорпуса.

— Взял! — Он даёт один сильный рывок, ждёт, затем второй. — Сигнал подал! Нижний люк смотрю. Его передний край загнуло наружу, а задний под водой. Волна прижимает крышку снизу к фюзеляжу. Федя толкает против всей воды!

— Не лезь под неё, — отвечаю я. — Сдвинь лодку к левому борту и освободи линь. Я подойду.

— Там обшивка разошлась между нами, командир. С вашим коленом вы через неё не перелезете.

— Я доберусь по воде, — отвечаю я и уже ищу на левом борту место, где смогу спуститься, не попав ногой под рванный лист.

— Тогда я спущу вам конец отсюда. Но сначала попробуем вместе с Федей. Когда гребень уйдёт, я тяну наружный край за петлю, он давит изнутри. Литвинов, скажите мне провал между волнами!

Литвинов приподнимается, закрывает ладонью огонь у мотора и смотрит вдоль борта. Штурманская работа переходит с курса на движение воды без единого моего приказа.

— Сейчас идёт крупная, держитесь. За ней две малые. На второй малой крышку разгрузит. Считаю: крупная... прошла. Первая малая. Ещё не тяните. Вторая подходит... сейчас!

Тимка рвёт петлю вверх. Изнутри Федя одновременно ударяет ногами. Крышка нижнего люка показывается над водой на несколько сантиметров и тут же падает обратно.

— Подалась! — кричит Журавлёв. — Федя, ещё раз тем же местом! Ноги переставь выше, там рычаг лучше!

Снизу приходит два удара — Федя понял. Литвинов снова ведёт волну, уже короче:

— Большая. Переждать. Малая... ещё... вторая — тяните!

Крышка выскакивает из воды косо. Тимка отваливается назад, едва удерживая верёвку, и вместе с крышкой наружу выплёскивается чёрная вода. Проём на мгновение открывается до половины. Внутри мелькает рукав Феи.

— Не отпускай! — наконец слышим его живой голос напрямую, через раскрытый люк. — Заклинй ножом у переднего края! Она обратно садится!

— Ножом лодку потом чем резать будем? — Тимка, тяжело дыша, просовывает клинок между крышкой и рамой. — Ладно, молчи, уже ставлю. Держит. Давай мешок первым!

— Мешок не проходит, поперёк лёг. Я его разверну.

— Себя первым выводи, — приказываю я. — Лодку подашь следом. Линь у Тимки.

— Если выйду, мешок затянет в хвост и закусит, — отвечает Федя изнутри. Голос у него теперь чистый, но вода плещет совсем рядом с губами. — Тут уже по грудь. Я разверну его горловиной к люку, просуну половину, Тимка возьмёт, потом сам. Не мешайте мне делать то, для чего меня оставили в корме.

— Сколько тебе нужно?

— Два провала между волнами. Аркаша пусть считает, он хорошо попадает.

Литвинов переводит взгляд на меня. Я киваю. Профессиональное решение Феи стоит сейчас выше моего желания вытащить его немедленно.

— Два провала получишь, — говорит штурман, и устраивается устойчивее, опершись раненой рукой только локтем. — В первом разворачиваешь мешок, во втором подаёшь. После второго выходишь сам, даже если лодка останется. Слышал условие?

— Слышал. Только вы у нас быстро командиром сделались.

— Я считаю. Командир принимает. Большая идёт. Приготовься... провал! Разворачивай!

Из люка доносится возня, тяжёлое дыхание Феи, скрежет брезента по заклёпкам. Самолёт вздрагивает, когда новая волна ударяет в левое крыло. Корма оседает на ладонь, и вода закрывает нижнюю кромку проёма.

— Развернул! — кричит Федя. — Горловина к Тимке, линь свободен!

— Следующая крупная короче, — Литвинов всматривается в гребни. — За ней провал будет резкий. Тимка, бери мешок под низ, не за чехол: ткань порвана у крепления. Готовы... прошла... сейчас!

Из люка появляется мокрый брезентовый свёрток. Тимка хватается его обеими руками, нож выпадает из щели, крышка начинает опускаться. Федя подставляет плечо изнутри и удерживает металл собственной спиной.

— Мешок взял! — Журавлёв оттаскивает лодку на левую сторону и перекидывает линь через основание турели. — Выходи, Федя! Я держу верёвку и крышку!

— Крышку уже я держу! Ты мешок от края убери, его порежет!

Тимка отталкивает свёрток ногой, освобождая проём. Из воды показывается голова Костенко. Он выходит не рывком и не прыжком: сначала кладёт оба предплечья на обвод, затем переносит грудь, подтягивает левое колено. Правую ногу что-то держит внутри.

— Ремень! — выдыхает он. — Отрезал не до конца, хвост ленты намотало на крепление!

— Нож ушёл внутрь, — Тимка шарит у рамки и не находит клинка. — Мой за воротом. Держись, сейчас достану.

— Не тяни Фею, порежешь ему ногу лентой, — говорю я. — Костенко, можешь повернуться и достать место рукой?

— Если повернусь, уйду под крышку. Тимка держит меня за пояс слабо, у него одна рука на лодке.

— Лодку привяжи к турели и освободи обе руки! — Литвинов уже снимает с планшета наружный ремешок. — Я дам тебе петлю. Поймаешь, обведёшь чехол и вернёшь конец. Она останется на фюзеляже.

— Ремень короткий!

— Тогда соедини с Фединым линём выше его узла. Он останется связан и с лодкой, и с тобой. Делай сейчас, корма садится.

Тимка ловит брошенный ремешок, соединяет его с верёвкой простым штыком, продевает под ручкой чехла. Федя всё это время лежит грудью на краю люка и дышит в металл. Вода бьёт ему по затылку. Он не просит тянуть сильнее — знает, что именно этого делать нельзя.

— Лодка закреплена, — Тимка проверяет узел всем весом и отпускает мешок. — Теперь держу тебя двумя руками. Пояс принимаю выше пряжки. Поворачивайся настолько, сколько нужно.

Федя поворачивает правое плечо внутрь. Его лицо исчезает за крышкой, левая рука белеет на обводе. Тимка ложится сверху, обхватывает его под мышками и принимает вес. Снизу что-то звякает.

— Нашёл хвост! — голос Феде глухо идёт из проёма. — Лента не намоталась, её зажало между рамой и полом. Рукой не выдерну. Дай нож.

Журавлёв вытаскивает клинок из-за ворота, кладёт рукоять Феде прямо в ладонь и закрывает его пальцы своими.

— Режь от ноги, не к ней. У тебя два движения, потом волна.

— Не учи стрелка нож держать. Первое... ещё... второе!

Лента лопается. Освободившаяся нога вылетает из люка и ударяет Тимку в бок. Оба скатываются по мокрому фюзеляжу к левой стороне. Страховочный линь натягивается, мешок с лодкой идёт за ними. Журавлёв успевает обхватить основание турели локтем. Федя повисает ниже, ногами уже в море, но верёвка на поясе и рука Тимки удерживают его у борта.

— Не тяните меня вверх! — орёт он, кашляя после брызги. — Поверните лицом к волне, я сам поднимусь на локтях!

Тимка перестаёт дёргать его за ворот, переносит хват под предплечье. Федя ставит грудь боком к набегающей воде, ждёт, когда гребень поднимет тело, и вместе с ним выбрасывает себя на обшивку. Через секунду оба лежат рядом с лодочным мешком, связанные одним мокрым концом.

— Костенко, доложи, — говорю я, хотя вижу его собственными глазами.

— Вышел сам, — отвечает Федя и переворачивается на спину, не выпуская верёвку. — Тимка только мешал в нужную сторону. Правая нога цела, плечо ушиблено, хлебнул одну кружку. Лодка со мной. Теперь убирайтесь от носа: он скоро потащит всё остальное.

Будто дожидаясь его слов, самолёт опускается ещё ниже. Волна проходит через мой пустой фонарь и выносит из кабины шлемофон. Чёрная кожаная чашка повисает на проводе, ударяется о борт, затем исчезает в воде. От приборной доски поднимаются пузырьки. Носовая кабина Литвинова уже полностью затоплена; её остекление смотрит вверх мутными провалами.

— Аркадий, перебирайся ко мне, — я ползу назад на локтях, волоча правую ногу по обшивке. Каждая заклёпка отдаётся в колене ударом, но опираться на ступню хуже. — Дальше идём по левому борту. Ты впереди, я держу тебя за ремень, ты находишь целый металл.

— Порядок наоборот. — Литвинов подползает ближе, отцепляет локоть от стойки и проводит здоровой рукой по шву перед нами. — У меня одна ладонь, зато две рабочие ноги. Вы ползёте впереди, я держу вас за пояс и не даю правой ноге свалиться в разрыв. Металл найду глазами поверх вашего плеча.

— Если я провалюсь, потяну тебя.

— Если я провалюсь первым, вы меня с такой ногой не вытащите. Здесь расчёт сходится только в одном порядке.

Он уже просовывает правую руку под мой поясной ремень, оставляя порезанную кисть прижатой к груди. Спорить можно, пока у самолёта есть твёрдая опора. Под нами она уходит.

— Принимаю твой порядок. Только не хватайся за меня раненой рукой, даже если понесёт.

— Тогда не давайте морю повода. Впереди разошедшийся шов на две ладони. Левее есть продольная полоса целой обшивки, ставьте локоть туда.

Я переносу вес. Лист прогибается, но держит. Литвинов ползёт следом, направляет мне колено ладонью, когда оно начинает съезжать. Мы добираемся до середины фюзеляжа как два человека, несущие один неудобный груз: мои руки ищут опору, его ноги толкают нас обоих, а волна каждый раз решает, кому из нас достанется вес.

— Тимка, уводи лодку на левое крыло! — кричу я корме. — Там пока сухая площадка. Федю держи на лине, сам он по обшивке не пойдёт.

— Он уже командует мной, — отзывается Журавлёв. — Говорит, мешок нельзя тащить по заклёпкам.

Глава 3

— И правильно говорит! — Федя сидит верхом на фюзеляже, одной ногой обхватив основание турели. Он пропускает верёвку вокруг своего бедра, чтобы освободить руки, и показывает Тимке, куда перенести свёрток. — Подними за две ручки, не за одну. Резина внутри сложена четверо; проткнёшь сейчас — будем надувать море.

— У меня щека течёт, бок болит, а ты меня ещё и грузчиком сделал.

— Пока жалуешься полными предложениями, работать можешь. Ставь правую руку под дно чехла. Вот так. Теперь вместе, на малую волну.

Они дожидаются, пока фюзеляж поднимет. Тимка переносит мешок на левое крыло, Федя скользит рядом с ним, держась не за обшивку, а за натянутый линь. Его ноги дважды уходят в воду. Он не машет руками, а ложится грудью на металл и ждёт, пока Журавлёв выберет слабинку. Человек, не умеющий плавать, уже руководит собственным перемещением лучше, чем я мог бы руководить им с другого конца самолёта.

— Крыло цело до середины, — докладывает Тимка, пробуя поверхность сапогом. — Дальше осколочная дырка, вокруг рваный край. Лодку разложим у фюзеляжа, там металл гладкий.

— Сначала отмой масло с площадки водой, — говорит Федя. — Резина на масляном не ляжет, будет ездить под коленями. И нож убери в чехол, клинком наружу не клади.

— Нож у меня, — Журавлёв прячет его за голенище и ладонями смывает с крыла тёмную плёнку. — Ещё прикажи мне крыло насухо вытереть.

— Насухо ветер сделает. Ты только не мешай.

Когда мы с Литвиновым добираемся до центроплана, вода уже переливается через верх фюзеляжа. Я больше не ползу по самолёту — двигаюсь рядом, по грудь в море, держась левой рукой за край. Правую ногу приходится тащить; она болтается и норовит попасть под лист. Литвинов идёт по узкой полосе металла сверху и придерживает меня за ворот.

— Павел, впереди щель под водой, — предупреждает он. — Не ставьте туда ногу. Перехватитесь за моё предплечье, я переведу вас через.

— Одной рукой не удержишь.

— Удержу коротко. На гребне вы почти ничего не весите. Ждём... сейчас руку.

Волна поднимает меня. Я цепляюсь за его правое предплечье, отталкиваюсь левой ногой и проплываю над разрывом. Правое колено задевает кромку, боль вырывает из горла звук. Литвинов падает на живот, удерживая меня, и промокает грудью до самого кармана.

— Тетрадь! — Я хватаю его за гимнастёрку и поднимаю выше.

— Пуговица закрыта. — Он сразу проверяет карман порезанной рукой, морщится и передаёт её мне. — Посмотрите ладонь. После этого рывка пальцы хуже слушаются.

В отблеске умирающего огня рана видна ясно: поперёк основания большого пальца идёт неровный разрез. Кровь смывается морем и тут же выступает снова. Сухого материала рядом нет. Я прижимаю к ладони внутренний край его рукава и оборачиваю ткань ремешком от планшета.

— Сожми пальцы вокруг этого узла. Так края сойдутся. Большим шевельни.

— Шевелится. — Литвинов медленно сводит большой и указательный. — Держать карандаш смогу. Вес на ладонь больше не дам.

— И не дадим. Тетрадь промокла?

— Снаружи карман сырой. — Он растёгивает верхнюю пуговицу на миг, просовывает два пальца и снова закрывает. — Обложка сухая в середине, верхний угол влажный. Листы не разворачиваю: склею сильнее. Пусть остаётся как лежит.

— Остаётся. Дальше к крылу.

Федя уже распустил наружные ремни чехла. Он не раскрывает лодку одним эффектным движением, а разворачивает тяжёлую мокрую ткань слой за слоем, проверяя ладонью каждый сгиб. Тимка удерживает дальний край коленом, потому что ветер норовит стащить свёрток в море.

— Здесь залом, — Костенко тычет пальцем в подвернувшийся борт. — Если начнём качать так, внутренняя складка останется и перетрёт ткань. Тимка, приподними. Другой рукой, окровавленной не хватай: кровь не страшна, песок с рукава страшен.

— На крыле моря больше, чем песка.

— У тебя на локте краска и стружка. Подложи чехол. Вот. Теперь расправляй к носу, пока клапан не выйдет наружу.

— Вы оба целы? — спрашиваю я, выбираясь на корень крыла. Литвинов подталкивает меня снизу, затем сам переходит на колени.

— Я уже доложил про щёку, — Тимка не отрывает взгляда от складки. — Глаз видит, зубы на месте. Федя ударил меня сапогом в бок, когда вылезал, но за это я с него потом взыщу. Сейчас у лодки один угол не хочет разворачиваться.

— Плечо у меня цело настолько, чтобы его ругать, — добавляет Федя. Он пробует поднять правую руку и останавливается на уровне груди. — Выше не идёт.левой качать буду, правой держать горловину. Командир, вы на лодку не наступайте. Садитесь у фюзеляжа и держите наружный ремень. Нога у вас стала толще сапога.

— Откуда видишь?

— По тому, как штаниная натянулась. И вы её тащите, а не переставляете. Значит, с лодкой вы сегодня не спорите. Держите ремень и не отдавайте его волне.

Я сажусь на корень крыла, вытягиваю больную ногу по металлу. Самолёт качается, и колено перекачивает тупую боль вверх по бедру. Спорить с Федей оснований меньше, чем с водой.

— Ремень у меня. Кто накачивает?

— Я поставлю клапан и удержу лодку, — Тимка вынимает из чехла сложенный плоский мех с короткой трубкой. Две жёсткие дощечки сжимают резиновую складку; каждый ход забирает порцию воздуха и проталкивает её в клапан. — Федя будет давить мех левой. Арка-

дий расправляет дальний борт здоровой рукой. Вы следите за привязью к самолёту и считаете, насколько тот садится.

— Почему клапан ставишь ты?

— Потому что перед вылетом я проверял имущество и отвинчивал эту заглушку, — Журавлёв проводит пальцем по резьбе, счищая воду и мелкую грязь. — Федя знает лодки и узлы, а я знаю этот мешок. Если пустить резьбу косо, будем качать воздух наружу. Сейчас у меня обе руки ещё чувствуют витки.

— Твоя работа. Ставь.

Тимка промывает металлическую горловину морской водой, вытирает её внутренней стороной воротника и медленно вворачивает штуцер. На первом обороте останавливается, возвращает назад.

— Не пошло, — говорит он так, словно отвечает рации. — Слышу перекося. Ещё раз. Федя, держи борт неподвижно, он мне резьбу качает.

— Я держу, это самолёт качает.

— Тогда ругай самолёт, а не меня. — Тимка прижимает горловину коленом, ловит начало витка. — Теперь пошло ровно. Один оборот, второй... до упора не тяну, прокладку срежу. Поддай мех.

Федя подсовывает ладонь под нижнюю дощечку. Правая рука у него почти не поднимается, поэтому Тимка привязывает верхнюю часть насоса короткой лентой к его предплечью.

— Давишь вниз левой, поднимаешь предплечьем обе створки, — объясняет Журавлёв, показывая один ход. Воздух с шорохом уходит в серую складку. — На обратном движении слышишь клапан? Вот этот щелчок означает, что взял новую порцию. Если щелчка нет, остановись, иначе мнёшь мех впустую.

— Слышу, — отвечает Федя и начинает качать. Первый ход выходит коротким, второй полным. — Ты считай щелчки, радист. Я руками считать буду.

— Я в эфире голоса считал, а теперь считаю твоё пыхтение. Повышение по службе.

— Досчитаешь до лодки — получишь право сидеть в ней одним боком.

Воздух медленно меняет бесформенную ткань. Сначала поднимается ближайший баллон, толстый, мягкий. Литвинов проводит по нему здоровой ладонью, выталкивает складку к носу лодки. Ветер хлопает дном. Я держу привязной ремень, обведённый вокруг основания антенны, и слежу за самолётом.

Нос уже полностью ушёл. Вода покрывает место моей кабины. Левое крыло, на котором мы сидим, опускается с каждым ходом меха; между гребнями поверхность металла появляется, на гребне исчезает до середины. Я приказываю закончить баллон здесь: на воде насос захлестнёт, а горловину забьёт грязью. Тимка ставит Феде предел в двенадцать движений и забирает мех, сохраняя его левую руку для леера. Литвинов принимает смену ног: пяткой давит верхнюю дощечку, здоровой рукой поднимает ремешок. Порезанная кисть остаётся прижатой к груди.

На третьем ходе дальний угол лодки заворачивается внутрь. Федя ложится на крыло, дожидается, пока гребень сойдёт с плеч, и вытягивает складку. Только после этого разрешает продолжать. Носовой баллон поднимается ровнее. Костенко уже распределяет людей: Литвинов с раненой ладонью и Тимка с насосом войдут внутрь, Павел останется снаружи у кормы, сам Федя — у носа, заранее обвязанный поперёк груди.

— Ты не умеешь плавать и всё равно назначаешь себя в воду, — говорю я, удерживая ремень лодки.

— Именно поэтому назначаю способ раньше, чем крыло уйдёт, — Федя проверяет свободный конец на ощупь. — Снаружи я вижу, как нос входит в гребень, и остаюсь полезным. Внутри первым буду только занимать место и ждать чужих рук. Свяжите меня с лодкой — тогда вода не заберёт, а работу я сделаю сам.

Я принимаю его порядок до спуска, оставляя за собой право изменить его по остойчивости. Тимка освобождает пережатый сапогом шланг; ход меха сразу становится полным. Литвинов молча считает качки, Федя разглаживает растущий борт и готовит линь.

Каждый щелчок клапана отнимает у машины несколько секунд и отдаёт их лодке. Мне достаётся самая простая работа — удерживать ремень и считать, сколько самолёта осталось. Эта простота болезненнее командования. Я сижу на машине, которую поднял в воздух после честного предупреждения Трофимова, и вижу, как трое людей превращают минуты её плавучести в собственный выход.

Стружка на ногте ничего не доказывала о точной причине отказа. Правый мотор мог погибнуть от перегрева, повреждения после огня, потери масла, от нескольких причин разом. Диагноз ушёл под воду вместе с капотом. Моё знание уже не стало точнее. Зато решение было точным: я разрешил вылет, зная, что техник за машину не ручается. Сейчас море не требует объяснения. Оно берёт металл.

— Командир, вы ремень пережали, — Федя касается моей руки. Пальцы побелели вокруг мокрой ленты. — Ослабьте на ладонь. Лодка привязана двумя концами, не улетит. Нам ваши кисти понадобятся.

Я разжимаю хват. Кровь возвращается в пальцы колючей болью.

— Ослабил. Следи за носом лодки.

— Слежу. И за вами тоже. Вы в воду пойдёте не прыжком: спустим поперечный конец под мышки, Аркаша и Тимка примут с лодки. Правую ногу я поддерживаю снизу, чтоб она не ударилась о крыло.

— Сначала спускаем тебя.

— Сначала спускаем лодку, — Федя подтягивает наружный леер, проверяя каждый узел. — Потом спорим о людях. Пока спорить не о чем.

— Последний ход, — объявляет Тимка. Литвинов давит пяткой. Борт выпрямляется, швы натягиваются. Журавлёв отсоединяет трубку, быстро закрывает горловину заглушкой и проводит по ней пальцем. — Держит. Слышите? Шипения нет. Теперь мех остаётся внутри, клапан сверху. Если лодка смягчится, докачаем.

— Проверим не ушами, а весом, — Федя ставит обе ладони на ближний баллон и медленно наваливается. Правая рука подламывается, он переносит нажим на левую. — Борт держит. Дно расправилось. Носовой леер цел. Кормовой короткий, там один узел придётся перевязать до спуска.

— Почему короткий?

— Его не оборвало. Его утром так оставили. — Федя щупает конец и криво улыбается. — Оставил я. Рассчитал, что хватит обнести вокруг крепления. Для четырёх людей мало. Значит, мой нож сейчас исправляет мою утреннюю экономию: сниму длинный ремень с чехла и нарашу.

— Шов держишь ты, — говорю я. — Какой узел?

— Встречный, два хвоста оставлю наружу, чтобы глазами видеть, не ползёт ли. Тимка, подсвети огнём с крыла, пока он ещё есть.

Журавлёв прикрывает ладонью глаза и поворачивает ремни к редким отблескам на правом моторе. Федя соединяет мокрую ленту с линём, затягивает узел не рывком, а последовательными короткими движениями. Затем отдаёт конец Литвинову.

— Проверь, штурман. Только раненую ладонь не суй.

— Проверю ногой. — Аркадий наступает на соединение, Тимка тянет свободный конец. Узел не сдвигается. — Держит. Хвосты видны. Если поползёт, метка уйдёт под петлю.

— Теперь у нас три привязи, — Федя раскладывает их на крыле, чтобы ни одна не пересекала другую. — Первая лодка — самолёт, отрежем перед спуском последнего человека. Вто-

рая для меня у носа. Третья для командира у кормы. Аркаша и Тимка внутри держатся за леер, себя к лодке пока не вяжут: если перевернёт, им надо уйти в сторону, а не остаться под дном.

— Я в лодку первым не полезу, — Литвинов поднимает забинтованную тканью руку. — У меня ноги целы. Командир с коленом должен быть внутри.

— Внутри понадобится человек, который распределит вес и будет считать подход волны, — возражает Федя. — Командир сядет не туда, куда лодке нужно, а куда нога пустит. Тогда перекосим борт. Вы сядете у кормы, Тимка у носа, поставите её прямо. Павел и я держимся снаружи, пока вы примете нас по одному.

— Павел замёрзнет быстрее, — Литвинов смотрит на мои губы, словно замечает дрожь, которую я сам стараюсь не чувствовать. — Он уже был по грудь в воде, пока мы шли сюда.

— Мы все мокрые. Разница в минуту, — Федя кладёт ладонь на баллон, и впервые в его голосе появляется не злость, а просьба услышать человека, который знает эту воду телом. — Если сейчас посадить внутрь самого тяжёлого и самого неподвижного, лодка ляжет кормой к волне. Следующая захлестнёт её. Дайте мне поставить её носом и провести первые два гребня. Потом втащим командира с подветренного борта, где вода сама поднимет.

Я смотрю на лодку. Она мала для четверых, но достаточно широка, чтобы двое сидели, пригнувшись, и принимали остальных. Волна идёт наискось к левому крылу. Пока самолёт удерживает нас, спуск кажется простым; стоит отрезать первую привязь, лёгкий резиновый корпус развернёт ветром.

— Делаем по Фединому порядку, — решаю я. — Литвинов и Тимка внутри. Федя держит нос снаружи, я корму. Первые две волны выравниваем. Затем на малой волне меня втягиваете через подветренный борт, но только если Федя скажет, что остойчивость позволяет. Его принимаем следом или оставляем рядом на отдельной петле, пока лодка не выровняется.

— А если я скажу, что обоих внутрь брать нельзя? — спрашивает Федя.

— Тогда оба остаёмся снаружи, связанные с леером. Внутри двое работают мехом и вычерпывают. Никто не доказывает морю, сколько людей должно помещаться по желанию.

— Вот теперь можно спускать, — Костенко протягивает мне кормовой конец. — Обвяжите поперёк груди под руками. Узел сбоку, чтобы не лежать на нём. Я проверю.

Мокрый линь не слушается онемевших пальцев. Я провожу его под левой рукой, через спину, вывожу под правой. Узел получается слишком высоко и при первом рывке ползет к горлу. Федя наклоняется, переделывает его одной левой.

— Не тяните животом, — говорит он, продевая конец обратно. — Здесь дыхание важнее красоты узла. Петля держит грудную клетку, а свободный хвост идёт к кормовому лееру. Если лодка перевернётся, вы сможете просунуть подбородок под линь и уйти в сторону.

— Ты себе так же сделал?

— Себе ниже, у меня плечи уже. — Он поворачивается, показывая петлю на спине. — Тимка проверил. Правой рукой я сейчас ничего выше пояса не держу, зато левая и зубы при мне.

— Зубами верёвку не держишь ни при каких условиях. Если рука сдаст, ложишь линь на сгиб локтя.

— Согласен. А вы правую ногу не прячьте под лодку. В воде она станет якорем, и при первом рывке вам развернёт колено.

Литвинов садится у края крыла и свешивает обе ноги в море. Планшет он переносит на спину, ремень затягивает под правой подмышкой. Порезанную ладонь держит у груди. Тимка ставит лодку рядом, носом к набегающим гребням, и удерживает её за два леера.

— Аркаша, входишь не сверху, а вдоль борта, — объясняет Журавлёв. Кровь на щеке уже перестала течь сплошной дорожкой, но на каждом движении кожи выступает заново. — Левую ногу через середину, таз сразу на дно. За ближний баллон не тяни, навались грудью и перекатись. Я держу дальний борт.

— У меня левая ладонь порезана, а не голова, — Литвинов примеряется к лодке. — Если я навалюсь грудью, карман с тетрадью окажется в воде.

Глава 4

— Тогда заходи спиной. Я приму за ремень планшета, только скажи, когда переносишь вес.

— На малой волне после этой. Федя, нос удержишь? — Литвинов переносит планшет выше на спину и разворачивается к лодке неповреждённым плечом.

— Держу льня от крыла, а не лодку руками. Она сама встанет. Сейчас большая... прошла. Заходи.

Литвинов поворачивается к лодке спиной, кладёт правый локоть на баллон и переносит одну ногу. Резиновый борт сминается под ним. Тимка сразу подаёт дальнюю сторону вверх, Федя выбирает носовой конец. Штурман опускает таз на дно, успевает поставить вторую ногу внутрь до следующего гребня. Лодка качается, зачерпывает немного воды, но выравнивается.

— Внутри, — докладывает Литвинов, устраиваясь ближе к корме. — Борт подо мной мягче, чем был на крыле.

— Потому что вы на нём сидите, — Тимка нажимает ладонью у клапана. — Давление держит. Сдвиньтесь к середине на ширину сапога, не больше. Дальний край приподнимется.

— Сдвинулся. Тетрадь выше воды. Правой рукой держу леер. К приёму следующего готов.

Тимка собирается войти следом, но останавливается и ощупывает свою щеку. На пальцах остаётся кровь.

— Глаз начал слезиться, — говорит он, моргая в ветер. — Вижу лодку чётко, а огонь справа раздваивается. Может, от дыма.

— Повернись левым глазом к Феде, — прошу я. — Костенко, сколько пальцев?

Федя поднимает руку в тусклый отблеск от крыла, сперва растопыривает три пальца, затем складывает два и кулак.

— Три, — отвечает Тимка. — Теперь два. Теперь кулак. Не делайте из моей рожи отдельное дело, я в лодку сяду и перестану смотреть на огонь.

— Удар пришёлся ниже глаза, — Федя проводит пальцем в воздухе вдоль собственной скулы. — Зрачок ровный. Пусть входит носом к ветру и садится лицом к нам, тогда Аркаша увидит, если поплывёт взгляд.

— Слышал. Тимка, заходишь и берёшь носовую работу. Мех кладёшь под колени, нож — только в чехол. Лицом к корме, чтобы видел нас.

— Вы мне ещё место для лица назначьте. — Журавлёв прячет нож, прижимает мех к груди, опускается на живот и скользит в лодку головой вперёд. Литвинов хватает его за пояс, не позволяя перевалить через дальний борт. Тимка подтягивает ноги и садится у носа. — Внутри двое. Воды на дне по щиколотку. Мех сухим назвать уже нельзя, но качает. Командир, вашу верёвку вижу. Федина проходит отдельно.

— Лишнюю воду чем выбросите? — спрашивает Костенко.

— Чехлом от насоса, — Тимка поднимает мокрый чехол за два угла и сразу видит, как вода просачивается сквозь ткань.

— Чехол оставь под клапаном, металл не должен тереться о дно. Возьми жёсткую крышку планшета.

— Мою крышку не возмёшь, — Литвинов прижимает планшет коленями. — Там карта.

— Тогда ладонями, — Федя отпускает замечание без спора. — Пока воды мало, ладони справятся. Сначала лодку от крыла.

Левое крыло опускается. Теперь вода лежит поверх него непрерывным слоем, и нам приходится приподнимать лодку на каждой волне, чтобы её не ударило о заклёпки. Фюзеляж от носа до центроплана исчез. Над поверхностью остаются верхняя стрелковая точка, корень левого крыла и хвост, поднятый высоко, как у машины на крутом склоне.

— Привяжь к самолёту где режем? — Тимка достаёт нож из-за голенища, не вынимая клинок из чехла.

— Пока не режем, — Федя берёт короткий конец в левую руку. — Спускаем лодку с крыла, держим на расстоянии двух метров. Командир и я сходим в воду, каждый по своей петле. Когда все окажемся на леерах лодки и она встанет носом к гребню, отрезаем самолёт. Раньше отрежешь — нас разнесёт ветром по одному.

— Позже отрежешь — борт потащит лодку за собой, — говорит Литвинов. — Нужна граница.

— Граница — когда вода закроет основание хвостовой установки, — Федя оглядывается. — Пока оно над морем на две ладони. Закроет первую — готовим нож. Закроет вторую — режем, где бы кто ни находился. Утонуть возле лодки лучше, чем вместе с самолётом.

— Слышали все. Я подтверждаю эту границу, — говорю я. — Тимка держит нож у связи с самолётом. Федя командует спуском. Аркадий следит за хвостовой установкой и называет первую, вторую ладонь.

— А вы?

— Я схожу с крыла, не даю больной ноге попасть между самолётом и лодкой, потом держу корму снаружи. Отдельной великой работы мне не требуется.

— Наконец-то разумный доклад, — Литвинов поворачивается к хвосту. — Основание видно целиком. До первой ладони есть запас. Федя, спускай.

Костенко берёт носовой леер на сгиб левого локтя. Правой ладонью он лишь направляет баллон: плечо по-прежнему не поднимает руку. Я держу кормовой ремень обеими руками и подталкиваю лодку с крыла. Она соскальзывает в воду мягко, но ветер сразу пытается поставить её боком. Федя натягивает носовой конец, Тимка изнутри переносит вес на правое колено, и лодка разворачивается острым концом к гребню.

— Нос принял! — Журавлёв ладонями выбрасывает воду со дна. — Аркадий у кормы, я впереди. Федя, тяни на себя полметра, мы далеко от крыла ушли.

— Полметра не дам, — отвечает Костенко. — Гребень ударит лодку о кромку. Держу два метра, как сказал. Командир, сходите в воду сидя. Левую ногу вниз, правую я приму за голенище.

Я разворачиваюсь на крыле. Под левой ступнёй нет опоры — только холодная глубина. Федя ложится на живот и тянется к правому сапогу. Его пальцы охватывают голенище ниже колена.

— Не за сустав, — предупреждает он. — Я поддерживаю вес, вы опускаетесь на руках. Когда вода возьмёт таз, отпускаю сапог и передаю вашу петлю Тимке.

— Делай.

Я спускаюсь. Море охватывает левую ногу, живот, грудь. Холод снова выбивает воздух, хотя я уже мокрый насквозь. Правая нога остаётся на крыле в руках Феде, потом он медленно опускает её. Колено касается воды, и боль становится другой — широкой, глухой. Линь под мышками натягивается; Тимка выбирает его из лодки.

— Командир на петле! — кричит он. — Держу через кормовой леер, один оборот на предплечье. До лодки полтора метра.

— Не подтягивай, пока я не сойду, — говорит Федя. — Иначе он потащит мою верёвку поперёк крыла.

Я держусь за край самолёта левой рукой. Правая нога не помогает грести, зато линь поддерживает грудь у поверхности. Гребень накрывает лицо; солёная вода входит в нос, заставляет кашлять. Тимка дёргается тянуть меня ближе.

— Не выбирай! — останавливаю я его. — Я на месте. Принимай Федею.

Костенко проверяет свою петлю, переносит нож Тимке, затем отвязывает временный оборот от основания турели. Теперь его удерживает только линия к носу лодки и собственная рука на крыле.

— Я сойду лицом к лодке, — объясняет он, и слова идут короче, потому что Федя наконец оказался у той границы, где умение плавать перестаёт быть разговором. — Левую руку на линь, ногами от самолёта не толкаюсь. Волна сама снимет. Тимка, натяжение держи ровное. Если начну уходить лицом вниз, не тащи за шею — выбирай носовой конец, он повернёт грудь.

— Слышу. Конец через леер, держу двумя руками.

— Аркаша, хвост.

— Первая ладонь почти закрыта, — Литвинов смотрит мимо нас. — После этой волны останется половина. Спускайся сейчас.

Федя ложится боком на мокрую плоскость, обнимает линь левым предплечьем и позволяет следующему гребню поднять себя. Вода уносит ноги с металла. На долю секунды он висит на одной руке, затем скользит в море. Лицо сразу уходит под поверхность.

Тимка не дёргает. Он выбирает носовой конец короткими движениями, как велел Федя. Петля на груди поворачивает Костенко. Сначала показывается плечо, потом затылок, затем лицо. Федя вырывается наверх, кашляет, но леер не хватает — держит локоть в верёвке.

— Я на лине! — кричит он, отплёвываясь. — Нос держу снаружи! Тимка, теперь командира к корме, медленно!

— Хвост, — перебивает Литвинов. — Первая ладонь закрылась. Вода поднимается ко второй. Нож готов!

Журавлёв вынимает клинок. Связь лодки с самолётом идёт от кормового леера к кольцу на крыле. Линия ещё провисает, но нос самолёта уходит, хвост начинает опускаться быстрее. С каждым пущением верёвка выпрямляется.

— Жди второй, — говорит Федя. — Если отрежешь под натяжением, конец хлестнёт в лодку. Аркаша, предупреди за полволны. Тимка, ослабь узел у леера, чтобы резать свободный участок.

— Ослабляю. — Журавлёв просовывает нож под ремень и держит лезвие от резины. — Свободный участок есть на два пальца.

— Вторая закрывается, — голос Литвинова становится ниже. — Гребень идёт... после него основание уйдёт. Режьте сейчас!

Тимка делает два движения от борта наружу. Мокрая лента сначала мнётся под ножом, затем распадается. Свободный хвост уходит к самолёту, волоочась по воде. Лодка сразу отскакивает на полметра, ветер разворачивает нос вправо. Федя натягивает свою петлю, всем телом тормозит разворот. Литвинов переносит вес на противоположный борт, Тимка гребёт ладонью.

— Нос левее! — Федя работает ногами под водой, хотя плавать не умеет: не держится ими на поверхности, а давит на неё как на рычаг. — Тимка, твой вес к ветру! Аркаша, корму вправо ладонью! Командир, петлю короче, вы стали парусом!

Я выбираю свой линь до полуметра от лодки и наматываю слабинку на предплечье. Баллон ударяет меня в плечо. Теперь тело прикрыто от волны кормой, а больная нога свободно тянется следом, не попадая под дно.

— Лодка носом! — докладывает Тимка. — От самолёта отошли на три метра. Привязь отрезана, все четыре линии раздельны.

— Четвёртой нет, — поправляет Литвинов. — Моя и твоя — руки на леере. Две линии у людей снаружи, одна была к самолёту и уже ушла. Считать надо то, что осталось.

— Остались мы, — Тимка проводит рукавом по щеке и оставляет на лице новую тёмную полосу. — Я это и считал.

— Тогда считай точно. Павел у кормы, Федя у носа, оба на петлях. Мы внутри. Лодка держит двоих и двух снаружи. Воды на дне меньше ладони. Давление в борту пока ровное.

— И самолёт от нас отделён, — добавляю я. — Теперь проверяем, можем ли принять третьего. Федя, что говорит лодка?

Костенко не отвечает сразу. Он переносит левый локоть с линя на носовой леер, нажимает на баллон грудью, смотрит, как высоко остаётся край над водой. Под ним резина проседает, но возвращается. Затем Федя пробует подтянуть таз к лодке, и нос сразу садится ниже, захлёстывается коротким гребнем.

— Пока двое внутри, двое снаружи, — решает он. — Если втащим вас, командир, корма примет вес и станет ниже, а я у носа сохраню её против волны. Может получиться. Но при входе вы навалитесь на один борт, и тогда Аркаша с Тимкой должны одновременно уйти на дальний. Нога у вас не поможет перевалиться. Рисковать сейчас ради сухости не вижу смысла: вы всё равно мокрый, петля держит.

— Долго так колено не выдержит, — говорит Литвинов. — Нога в воде тяжелее и охлаждается. Надо хотя бы положить её на дно лодки, оставив корпус снаружи.

— Это можно. — Федя проводит взглядом от моей петли к корме. — Тимка, опусти дальний край на гребне, Аркаша подхватит сапог и положит поперёк дна. Командир останется грудью у борта. Вес ноги уйдёт внутрь, а человек не перевалит лодку.

— Ногу будут поднимать двое, — предупреждаю я. — Колено не сгибать и за сапог не крутить.

— Поэтому скажите, как вам держать, — Тимка уже разворачивается. — Я беру за голенище ниже икры. Аркадий — под пятку здоровой рукой. На волне подаём внутрь. Вы сами направляете бедро.

— Делайте именно так.

Следующий гребень приподнимает меня. Тимка просовывает обе руки под голень, Литвинов принимает сапог правой. Я держу бедро и не даю колену повернуться. Ногу переносят через баллон. Боль накачивается медленно, затем резко, когда мокрая ткань цепляется за резину.

— Стойте, — выдыхаю я. — Назад на два пальца. Ткань тянет чашечку.

— Назад, — повторяет Литвинов. Они возвращают ногу, освобождают складку штанов. — Теперь ведём ниже. Тимка, не поднимай икру выше пятки.

Со второго раза сапог проходит над баллоном. Ногу укладывают поперёк лодки, пяткой к носу. Тимка подкладывает под колено сложенный чехол, чтобы дно не било сустав на каждой волне.

— Так держится? — спрашивает он, не убирая ладони.

Я прислушиваюсь к боли. Она остаётся сильной, но перестаёт расти.

Чехол остаётся под коленом. Литвинов замечает, что Тимка щурит левый глаз, и дважды проводит пальцем перед его лицом. В первый раз зрачок запаздывает, во второй идёт ровно. Журавлёв отдаёт нож Феде рукоятью вперёд, а сам делает три хода мехом: борт смягчился на холоде. Костенко прижимает ухо к резине, слушает клапан и после третьего запрещает качать дальше.

Федя называет собственную границу: пока левая рука различает круглый леер, плоский узел и воду, он остаётся у носа; когда пальцы перестанут различать их, остальные уложат его грудью на баллон. Правое плечо он бережёт, Тимка продолжает выбрасывать воду, Литвинов держит раненую кисть у груди. У всех четверых теперь есть наблюдаемый признак, после которого порядок изменится.

— Страх тоже называть? — спрашивает Тимка, не прекращая работать ладонями.

— Если он меняет руки — обязательно.

— Тогда меняет. После ножа руки хотят вцепиться в леер и больше ничего не делать. Я вычерпываю воду, чтобы они помнили другую работу.

Литвинов сменяет его одной здоровой рукой. Из внутреннего края рубахи они делают повязку: Федя надрезает ткань, Тимка рвёт, Аркадий обводит полосу вокруг рассечённой скулы. Журавлёв первым замечает, что из нагрудного кармана штурмана показался угол тетради, и заправляет его под клапан. Пуговица держит, листы остаются внутри.

Рабочая перебранка возвращает каждому голос, но море не становится мягче. Волны приходят короткими сериями. Лодка поднимается носом, проваливается, и мои рёбра каждый раз ударяются о кормовой баллон. Линь под мышками натирает мокрую гимнастёрку. Феде я вижу через гребень: то голову и плечи, то только руку на носовом леере.

За нами проверочный борт погружается быстрее. После обрезания привязи он развернулся носом вниз. Хвост поднялся почти отвесно; из воды выступают киль, часть руля и задняя точка. С каждой секундой видимой обшивки меньше. Воздух выходит из фюзеляжа большими пузырями, вода вокруг кипит без огня.

— Хвост держится на остатке воздуха в корме, — Литвинов оглядывается. — Когда выйдет, уйдёт быстро. Нас тянет к нему или это только волна?

Федя смотрит на обрезанный конец у носа, затем на расстояние.

— Нас не тянет. Течение одно и то же, поэтому кажется, что стоим рядом. Отгребите ладонями два корпуса влево: когда хвост ляжет, воздух и обломки пойдут сюда.

Тимка находит под носовым баллоном одну короткую лопасть, привязанную к лодке тонким концом. Федя велит грести справа, неглубоко и лишь до колена: нужно оттолкнуться от пузырящейся воды, сохранив нос против волны. Первый широкий гребок разворачивает лодку и окатывает Костенко. Второй ложится вдоль баллона, третий отводит нас ещё на полкорпуса. Я помогаю левой рукой, придерживая бедро, чтобы движение кормы не повернуло раненое колено. Когда между нами и хвостом появляется безопасный промежуток, Федя останавливает весло и заставляет Тимку привязать его поперёк: теперь руки нужны для воды внутри лодки.

Хвост самолёта вздрагивает. Из-под воды приходит низкий гул, словно там ещё раз запустился мёртвый мотор, но это воздух прорывается через внутренние отсеки. Киль медленно наклоняется в нашу сторону.

— Он ложится! — Тимка бросает воду со дна и хватает весло. — Федя, к лодке ближе, сейчас накроет!

— Не тяни меня через нос! — Костенко выбирает собственный линь до короткой петли и прижимается грудью к баллону. — Поверните лодку носом к самолёту, примем волну вдоль, а не боком!

Литвинов переносит вес, Тимка делает один гребок. Я отталкиваю корму рукой. Лодка разворачивается как раз в момент, когда хвостовая часть ударяет о воду. Плеск до нас не долетает стеной — расстояние уже достаточное, — но круглая волна поднимает лодку, ставит нос почти вертикально. Федя исчезает за баллоном. Моя грудная петля натягивается и врезается под мышки.

Глава 5

— Федя! — кричит Тимка, бросая весло.

— Нос держи! — приходит снизу хриплый ответ. — Я под лодкой не оказался, меня гребнем обнесло справа! Линь свободен!

Мы переваливаем вершину волны. Лодка тяжело падает на другую сторону, зачерпывает воду через нос. Тимка и Литвинов сразу принимаются выбрасывать её ладонями. Федя снова появляется у правого носового леера, кашляет, но поднимает левую руку, показывая, что различает верёвку.

— Пальцы чувствуют? — спрашиваю я.

— Чувствуют. Леер круглый, узел плоский, вода холодная. Три вещи отдельно. Границу не прошёл.

— Правое плечо? — Я слежу, как Костенко переносит локоть на леер и удерживает ли кисть прежний угол.

— После волны больше, но кисть двигается. Если полезу внутрь, плечом не подтянусь. Значит, остаюсь здесь.

— Павел, у вас губы синие, — говорит Литвинов. — Мы должны принять вас грудью на борт, хотя бы до пояса. Лодка после хвостовой волны держится, и Федя выравнивает нос.

— Сначала вычерпайте. Если я лягу на корму при воде на дне, дальний край сядет.

— Вода уходит ладонями слишком медленно, — Тимка пробует использовать сложенный чехол, но он пропускает. — Дайте планшетную крышку на три захода. Карту я не намочу: возьму только наружный клапан.

Литвинов смотрит на воду у своих сапог, потом на мой подбородок, который уже трудно удерживать над баллоном. Он принимает решение против своей привычки охранять планшет.

— Снимаю наружную крышку, — говорит он. — Внутренний пакет с картой остаётся у меня на коленях. Тимка, края крышки острые у застёжки, веди от лодки наружу. Три захода и вернёшь.

— Возвращу сухой насколько море позволит.

Журавлёв выгребает воду широкими порциями. После третьей на дне остаётся тонкий слой. Он возвращает крышку; Литвинов защёлкивает её, проверяет тетрадь и поворачивается ко мне.

— Теперь ваш корпус на корму. Тимка принимает под левую руку, я держу пояс. Правую ногу оставляем внутри как есть. Федя, сможете компенсировать носом?

— Смогу, если не тащить его рывком. Подводите кормой под грудь на малой волне. Командир помогает левой ногой, руками не тянет дальний леер. Когда живот окажется на баллоне, остановитесь. Внутри целиком пока не сажаем.

— Делайте, — соглашаюсь я. — Если лодка зачерпнёт выше щиколоток, возвращаете меня наружу.

Тимка берёт моё левое предплечье, Литвинов — пояс. Они ждут провала. Корма лодки опускается, вода на мгновение подталкивает меня снизу. Я отжимаюсь здоровой ногой, а они не тянут вверх, лишь направляют. Баллон проходит под рёбра, живот ложится на резину. Правая нога остаётся на дне, левая снаружи.

Лодка оседает кормой, но нос сохраняет высоту. Федя вытягивает свою петлю и переносит тело чуть дальше вперёд, становясь живым противовесом.

— Держит, — говорит он после двух волн. — Воды прибавилось на пальцы, не на ладонь. Пусть остаётся так. Командир теперь дышит выше, колено внутри, а вес распределён по баллону.

Тимка подтягивает петлю у моей груди и находит за воротником Литвинова карандаш. Порезанная кисть ещё может удержать его, однако Аркадий прячет карандаш обратно: писать в качающейся лодке он не станет, пока факты приходится защищать от воды телом.

Слева над волнами лежит более плотная темнота. По последнему курсу и ветру там должен быть Сырве, но обещать расстояние Литвинов отказывается. Федя выбирает удерживать лодку носом к гребню, а не тратить людей на беспорядочную греблю одним веслом; ветер и так сносит нас к острову. Тимка получает весло и право делать лишь короткие поправки по команде Костенко. Штурман следит за направлением и хвостом, я — за изменениями в людях.

Литвинов просит перечислить фамилии, места и привязи. Я называю его у кормы с раненой ладонью и тетрадь в кармане; Тимку у носа с повязкой на щеке; Федю снаружи на носовой петле; себя на кормовом баллоне, с правой ногой внутри. Лодка отделена от самолёта. Перечень нужен Аркадию не для успокоения — он проверяет, держит ли моя голова четыре части одного положения.

— Держит, — решает он. — Значит, потом доложите Гордееву всё: стружку, предупреждение Трофимова и своё разрешение лететь. Я записал признаки до отказа, а после воды подтверждаю порядок голосом.

— Причину мотора не дописывай за машиной, — отвечаю я, глядя на одинокий киль. — Стружка была, нагрев, стук и потеря масла были. Что сломалось первым, мы уже не установим. Спасти экипаж не значит исправить решение, которое привело нас сюда.

Аркадий касается застёгнутого кармана и подтверждает: в тетради есть только наблюдаемое. Диагноза там не появится ради законченной строки.

Хвост оседает ещё на полметра. Вода касается нижней кромки руля поворота, проходит по ней вверх. Огонь у правого мотора гаснет окончательно. Темнота становится ровной, и теперь самолёт виден только потому, что мы знаем, куда смотреть.

— От него идёт обломок, — Тимка показывает веслом. — Слева от хвоста, блестит на гребне. Может попасть в лодку.

Федя поворачивает голову, оценивает направление.

— Маленький, но острый. Один короткий гребок справа, потом весло сразу внутрь. Я удержу нос.

Обломок проходит у кормы, и я отталкиваю его за тупой край. Резину он не задевает. Федя проверяет борт и назначает следующий осмотр не по разбитым часам Литвинова, а после пяти крупных волн. Мёртвые стрелки не станут временем касания; Аркадий запишет только честную последовательность — после последней передачи. Тимка привязывает весло и возвращается к воде на дне, работая медленнее, чтобы сохранить руки.

На первой крупной волне петли держат обоих людей снаружи. Вторую раньше замечает Литвинов и отдаёт Тимке поправку веслом; Федя принимает её без спора, потому что штурман видит направление, а он — поведение борта. На третьей мою правую ногу сдвигает с чехла. Тимка подхватывает икру, Аркадий — пятку, я удерживаю бедро. В провале между гребнями три пары рук возвращают колено на место. Командирское тело окончательно перестаёт при- творяться особым.

После пятой волны пальцы Феде раскрываются на леере. Его заранее названная граница наступила. Тимка выбирает носовую петлю, Литвинов переносит вес на дальний борт. Костенко, впервые за всю работу не споря, позволяет подтянуть себя. На гребне носовой баллон проходит ему под грудь; голова и левая рука оказываются внутри, ноги остаются в воде. Журавлёв фиксирует петлю на внутреннем леере, сохраняя слабинку для дыхания, и принимает планшет Литвинова выше мокрого дна.

— Кормовой борт над водой на четыре пальца, Федин узел вижу, — докладывает Тимка, возвращаясь к своей быстрой рабочей речи. — Внутри целиком больше никого не тянем.

Теперь все четверо касаются лодки телом. Литвинов и Тимка сидят внутри. Я лежу грудью на кормовом баллоне, Федя — на носовом. Наши ноги тянутся в воду с разных концов, а две петли соединяют нас с леерами. Лодка стала не местом, куда мы спаслись, а предметом, за который каждый отвечает своей частью веса.

— Хвост, — тихо говорит Аркадий.

Киль остался один. Вода дошла до верхнего края руля, чёрный треугольник уменьшается на глазах. Несколько заклёпок на мгновение ловят серый предрассветный свет.

— Тимка, грести не надо, — просит Федя, не поднимая головы. — Далеко уже. Пусть уходит без нашей помощи.

— Я и не собирался помогать ему тонуть.

— Ты сейчас всё делаешь руками, даже когда можно перестать.

Журавлёв кладёт ладони на колени. Через секунду одна рука сама тянется к веслу. Он замечает это, возвращает её и обхватывает запястье другой.

— Верно, — признаётся он. — Если перестану работать, мне кажется, что снова услышу, как мотор застучал. Поэтому дайте мне что-нибудь полезное.

— Следи за пузырями, — говорю я. — Когда хвост уйдёт, воздух может вынести мелкие обломки. Называй всё, что идёт к лодке. Это твоя верхняя полусфера теперь лежит на воде.

— Слышу. Справа чисто. Слева два куска ткани, опасности нет. Прямо по носу масло тонкой полосой, Федя держит нас в стороне.

— Аркадий, направление на берег запомнил?

— Держу по ветру и последнему положению самолёта. Когда посветлеет, проверю по суше. Сейчас курс лодки примерно северо-восточнее нужного, но править сильнее одним веслом нельзя. Нас сносит к острову, вопрос лишь куда выйдем.

— Это уже следующая работа. Пока смотрим за хвостом.

Последний кусок киля задерживается. На секунду кажется, что самолёт лёг на грунт и останется торчать этим тёмным зубцом. Потом из глубины выходит большой пузырь. Поверхность под килем вспучивается, руль качается к нам и медленно погружается.

— Пошёл, — говорит Тимка.

Ответом служит молчание. Мы смотрим, как верхняя кромка исчезает. Вода смыкается над ней тихо. Несколько пузырей лопаются там, где был борт; один выносит деревянную щепку,

другой — клочок светлой ткани. Журавлёв прослеживает их путь и убеждается, что они проходят мимо.

— Обломки справа от нас, — докладывает он, заставляя голос работать. — Они проходят мимо лодки. Масло остаётся позади. Самолёт целиком ушёл под воду.

Федя шевелит пальцами на внутренней стороне баллона. Сначала один, затем остальные.

— Верёвку снова чувствую, — говорит он. — Узел, мокрую ткань, Тимкину руку. Можно вернуть левую на леер.

— Остаёшься грудью на лодке, — решаю я. — Руку вернёшь, когда согреется до запястья. Сейчас она внутри и под присмотром.

— Принимаю. Только носом всё равно командую я.

— Командуй.

Литвинов проверяет нагрудный карман. Пуговица на месте; вокруг неё ткань промокла насквозь. Он не вынимает тетрадь, лишь прижимает ладонью к груди, сохраняя оставшееся тепло.

— Верхние края листов, вероятно, влажные, — говорит он. — Узнаем на суше. Внутри не разворачиваю.

— На суше высушишь по одному, — Тимка поправляет ему ремень планшета. — А про самолёт уже не допишешь точно, времени нет.

— Время есть в порядке событий. Мёртвые часы не нужны: касание, выход носа, выход кормы, лодка, обрезанная привязь, хвост под водой. Запишу порядок, когда рука позволит.

— Запиши ещё, что Федя дал командиру лечь на лодку и командир выполнил, — Журавлёв склоняется над Костенко. — Такое на Кагуле никто не поверит.

— Поверят, если вы четверо подпишетесь, — отвечает Литвинов.

— Я подпишусь крестиком, пока пальцы не отойдут, — Федя пробует улыбнуться, но лицо остаётся прижатым к резине. — А сейчас весло справа на полхода. Нас разворачивает боком.

Тимка берёт лопасть. Короткий гребок возвращает нос. Лодка входит в следующую волну ровно. За кормой остаётся гладкое тёмное место, где несколько мгновений назад выступал киль; дальше оно сливается с морем и перестаёт отличаться от любой другой воды.

Наша отрезанная привязь к самолёту ушла вместе с ним. Две другие натянуты от носа и кормы к петлям у нас на груди. Литвинов пропускает свободный страховочный ремешок через свой пояс и пояс Тимки, соединяя тех, кто сидит внутри, с внутренним леером; узел оставляет перед глазами, чтобы можно было развязать при перевороте.

— Теперь лодка держит каждого отдельно, — говорит он, проверяя соединения по кругу. — Павел — кормовая петля. Федя — носовая. Тимка и я — общий внутренний ремень с быстро доступным узлом. Если один потеряет руки, остальные сохраняют его возле борта.

— Узел у вас справа, — уточняет Федя. — При перевороте тянете свободный хвост вниз, не вверх. Покажите Тимке рукой.

Литвинов показывает. Журавлёв повторяет движение, находит хвост с закрытыми глазами.

— Нашёл. Теперь хоть темнота может становиться темнее.

Она и правда меняется. Огня больше нет, зато восточный край облаков начинает сереть. Берег пока остаётся тяжёлой полосой слева, слишком далёкой для человека в воде и слишком близкой, чтобы забыть о нём. Мы лежим и сидим вокруг одной маленькой лодки, связанные с ней мокрыми ремнями, раненые, продрогшие, живые каждый своей работой.

Федя держит нос. Тимка кладёт весло на правый борт и ждёт его команды. Литвинов прикрывает тетрадь ладонью и следит за направлением. Моя правая нога лежит внутри на сложенном чехле, а грудь принимает каждый удар кормового баллона.

За последней цепочкой пузырей море закрывается. Теперь под нами глубина и утонувшая машина, впереди — волна, а вокруг четырёх тел натянуты три видимых узла и один общий резиновый борт.

Часть II. Квадрат в море

Следующая волна находит нас уже одних. Ей больше не приходится обходить киль, и она входит под лодку сбоку, подминает кормовой баллон под моими рёбрами, проволакивает правую ногу по мокрому дну. Чехол выскальзывает из-под колена. Сапог упирается в Тимкино бедро, а общий ремень Литвинова и Журавлёва ползёт вверх по их поясам.

— Дальний борт к воде пошёл! — Федя прижимает грудь к носу и вытягивает левую руку вдоль леера. Правую он оставляет согнутой у тела; плечо принимает качок глухим стоном, который Костенко превращает в команду. — Аркаша, вес от меня, к правому борту. Тимка, весло плашмя слева. Не гребь — упрись лопастью!

Журавлёв втыкает весло в набегающую воду. Лодка ещё сильнее разворачивается, зато край под Литвиновым поднимается на ладонь. Штурман, опираясь здоровой рукой на баллон, перекачивается вправо. Мокрая повязка на левой ладони цепляется за ремень, и узел страховки останавливается у него под нижним ребром.

— Ремень душит Тимку, — говорит он, удерживая вес на одном колене. — Если сейчас ослаблю общий, нас обоих разнесёт по разным бортам.

— Не ослабляй, сдвинь его вниз по себе, — отвечаю я, но волна уже уходит, и корма падает в провал. Правое колено на миг оказывается легче, затем лодочное дно бьёт по нему снизу. Перед глазами темнеет, подбородок соскальзывает с баллона. — Тимка, мою ногу не поднимай. Только верни чехол под сустав, когда выровняемся.

— Лопасть держит, командир, — Журавлёв отвечает сквозь зубы; свободной рукой он нащупывает край сложенного чехла. — Сначала завершу гребок, иначе нас этим веслом и перевернёт. Федя, когда отпустить воду?

— Сейчас отпускай и сразу клади весло вдоль. Нос я доверну телом. Аркаша, ещё полколена вправо. Павел, грудь ниже, вы корму парусом тянете.

Я опускаюсь на резину. Вода проходит по затылку, набивается за ворот, но кормовой баллон перестаёт ловить ветер. Федя тянет носовую петлю не кистью, а сгибом локтя, проводит корпус вокруг натянутого линя. Лодка медленно выставляет нос по гребню. Следующая волна поднимает нас вдоль, без бокового крена.

— Вот наша первая минута без самолёта, — говорит Костенко, тяжело дыша в резину. — Он хвостом держал нас к волне. Теперь держим сами. Тимка, чехол командиру; Аркаша, ремень опусти, пока вода ровная.

Журавлёв просовывает сложенную ткань под мою голень. Литвинов тянет общий ремень правой рукой, помогая зубами только удержать свободный конец у пуговицы, и возвращает петлю на пояса. Я направляю ногу за штанину. Колено ложится на прежнее место чуть кривее; приходится снова поднять бедро руками и повернуть сапог носком вверх.

— Стойте так, — говорю я, когда боль перестаёт нарастать. — Считаем новое положение. Федя снаружи у носа, левая на круглом леере, правая у груди. Я снаружи у кормы, грудная петля на месте, правая нога внутри. Литвинов и Журавлёв сидят в лодке на общем ремне. Три узла вижу. Четвёртый, внутренний, Аркадий держит перед собой.

— Вижу оба хвоста, — Литвинов проводит по узлу глазами, затем проверяет застёгнутый нагрудный карман. — Моя левая ладонь мокрая и почти бесчувственная, повязка осталась на месте. Тетрадь в кармане, планшет на ремне. Курс по волне пока северо-восточный, точность до направления берега, а не до точки на нём.

— У меня щёку тянет от соли, левый глаз слезится, — Тимка сдвигает весло под колени и моргает, глядя на сереющее небо. — Правым вижу дальше, левым ближе. Руки после лопасти сгибаются. Последний квадрат передал до касания, приёма не слышал.

— Это последнее повторяешь только тогда, когда меняется память о передаче, — говорю я. — Сейчас меняется лодка. Что с ней, Федя?

Глава 6

Костенко не спешит отвечать. Он нажимает левым предплечьем на носовой баллон, ждёт возврата резины, прижимает ухо к горловине. Затем трёт большим пальцем указательный, будто между ними лежит невидимая нитка.

— Давление держит. Правое плечо выше груди руку не пускает, кисть работает. Леер пальцами отличаю от ремня. Лодка стала легче крутиться, потому что за ней больше ничего тяжёлого. Значит, весло тратим на направление, а не на берег. Если Тимка начнёт грести изо всех сил, он отдаст руки морю задолго до песка.

— Берег уже виден, — Журавлёв поднимает подбородок. — Слева тёмная полоса.

Литвинов всматривается туда, прикрывая глаза здоровой ладонью. Света хватает, чтобы отделить воду от низких облаков, но тёмная полоса ещё расплывается вместе с каждым подъёмом лодки.

— Сырве там, — говорит он после двух волн. — Я подтверждаю сторону, расстояние пока не называю. Вплавь до него никто из нас не дойдёт; на одном весле мы скорее сбережём направление, чем выиграем заметную скорость. Ветер несёт к острову и чуть южнее нашей ночной линии.

— Тогда работу делим иначе, — я заставляю левую кисть отпустить баллон и снова обхватить его, проверяя пальцы. — Федя встречает волну и командует положением лодки. Тимка исполняет поправки веслом, между ними греет руки. Аркадий держит берег, дрейф и небо справа. Я слежу за бортом, травмами и меняю порядок, если чьи-то руки перестают исполнять. Каждые пять крупных волн называем состояние, но разными признаками: не повторяем одно и то же слово, пока тело не изменилось.

— А кто вычерпывает? — Тимка проводит ладонью по дну. Там снова набралось на два пальца воды. — Если я оставлю весло, лодка развернётся; если возьму крышку планшета, Аркадий меня ею ударит.

— Крышку я уже отдавал и отдам снова, если вода дойдёт до щиколотки, — Литвинов прижимает планшет коленом, снимает наружную створку правой рукой. — Пока берём по три движения на малой волне. Ты черпаешь, Федя держит нос, Павел кормой компенсирует твой

наклон. После трёх возвращаешь мне крышку, чтобы карта не оказалась на дне вместе с нашей аккуратностью.

Тимка принимает створку. На первой волне он лишь примеряется, на второй выбрасывает широкую порцию за подветренный борт, на третьей задевает застёжкой резину и сразу меняет угол.

— Ближе к воде води плоско, — Федя поворачивает к нему лицо, но правого плеча с баллона не поднимает. — Острый угол держи наружу. Лодку мы уже накачали один раз; второго моря для упражнения у нас нет.

— Ты лучше считай гребни, рыбак. Острый угол я вижу одним целым глазом, — Журавлёв выливает третью порцию и возвращает крышку Литвинову рукоятью вперёд. — Воды на дне осталась плёнка. Весло беру через волну, пальцы пока слушаются.

— Через эту, — решает Федя. — Она короткая. После неё нос поведёт вправо. Гребок слева на половину лопасти, глубже не суй: вода вырвет древко.

Журавлёв исполняет. Лодка перестаёт рыскать и входит в длинный провал. С этой минуты море требует от нас мелкой, бесконечной работы. Крупный гребень Федя замечает по тому, как темнеет вода перед носом; Тимка кладёт весло то справа, то слева; Литвинов на каждом подъёме ищет берег и чистый сектор неба; я переносу вес груди по баллону и слежу, чтобы больная нога лежала вместе с лодкой, а не поперёк её движения.

Холод выбирает людей разными путями. У меня он сначала стягивает мокрую ткань на спине, затем пробирается под пояс и делает живот твёрдым. У Литвинова повязка превращается в холодный жгут; штурман дважды пытается согнуть большой палец и со второго раза помогает ему правой рукой. Тимкина рассечённая щека светлеет вокруг тёмной полосы крови, левый глаз прикрывается сам при встречном ветре. Федя всё реже меняет положение правого локтя, оберегая плечо от каждого толчка.

— Аркадий, возьми мою кисть и проведи ногтем по пальцам, — просит Журавлёв после очередной смены хвата. — Я дерево чувствую, а холод или боль уже различаю плохо.

Литвинов берёт его руку здоровой и проводит ногтем от мизинца к большому. Тимка называет каждый палец прежде, чем ноготь доходит до следующего.

— Чувствительность есть, только запаздывает, — заключает штурман. — Весло держишь ещё один цикл, потом кладёшь под колени и греешь обе руки. Я в это время дам поправку положением корпуса.

— Ты своим корпусом только карту умеешь прижимать, — отвечает Тимка, но уже укладывает древко вдоль борта. — Федя, приготовься командовать лодке словами. У штурмана гребной силы на одну бровь.

— Бровь у него тяжёлая, — Костенко смотрит вперёд, выбирая следующую волну. — Павел, грудь на два пальца вправо. Аркаша, колено к левому борту, плечи оставь по центру. Сейчас гребень поднимет нос. После него корпусом повернётся.

Мы переносим вес по его команде. Лодка отвечает медленнее, чем веслу, но поворачивает ровно, сохраняя нос к набегающей воде. Тимка прячет ладони под мышки и считает волны вслух, чтобы минута отдыха не растянулась по желанию замёрзших рук.

— Пятая. Беру весло, — объявляет он, высвобождая пальцы. — Древко стало холоднее или я теплее?

— Ты отогрел кожу, дерево осталось прежним, — Федя даёт ему два удара рукоятью по ладони, проверяя хват. — Сожми. Теперь отпусти. Ещё раз. Работает. Гребок справа, короткий.

Над кормой растягивается радужная плёнка. Она приходит полосами от места гибели самолёта, то исчезает в тёмной воде, то вспыхивает на гребне жёлтым и фиолетовым. Запах топлива возвращает в горло дым из кабины. Я разворачиваю лицо к ветру, но ветер несёт пятно вместе с нами.

— Край масла догоняет, — говорю я. — Уходим поперёк на два корпуса. Федя, рассчитай, какой борт свободнее.

Костенко смотрит на волны и на светлую кромку пятна.

— Оно шире слева, справа разорвано гребнями. Тимка, три отдельных гребка справа на вершинах волн. Между ними лопасть вынимай, иначе нас вернёт. Павел, корму подтягивайте к себе петлёй, но узел по груди не двигайте.

Первый гребок отводит нос. Второй проходит по масляной воде; лопасть выходит с тёмным блеском. На третьем Тимка кашляет от запаха, сбивается, но не опускает весло глубже. Лодка пересекает тонкий язык пятна. Резина у моего лица становится скользкой, и ладонь дважды сползает с леера.

— Борт не трём, — предупреждает Федя, заметив моё движение. — Песка для очистки всё равно нет, а ткань повредим. Пусть смывает волной. Тимка, лопасть держи в воде с подветренной стороны, масло уйдёт само.

— Оно уходит за нами, — Журавлёв оглядывается через правое плечо. — Если искать будут по пятну, найдут место самолёта, а нас уже снесло.

— Ты уверен, что квадрат вышел в эфир целиком? — Литвинов спрашивает не для утешения. Здоровой рукой он раскрывает планшет ровно настолько, чтобы увидеть карандашную сетку, и тут же прикрывает её от брызги. — Восстанови передачу по действиям. Что успел сделать до первого удара огня?

Тимка перестаёт оглядываться и кладёт весло поперёк колен. Его губы шевелятся, будто он снова слышит ключ.

— Позывной дал. Ответ земля не успела повторить. Потом квадрат: первую пару знаков отбил дважды, вторую начал, помеха закрыла тон. Я отпустил ключ, дождался просвета и повторил весь квадрат с начала. После этого передал «два мотора», но последнее слово могло уйти уже в треск. Квитанции не слышал: командир позвал по огню, я снял питание и взял нож.

— Значит, квадрат прозвучал одним полным повтором, — Литвинов закрывает планшет. — Это факт. Приём остаётся неизвестным. Дрейф за прошедшее время я могу дать только полосой, поэтому поисковику придётся смотреть шире точки.

— Сколько шире? — Журавлёв держит древко неподвижно, ожидая числа, которого штурман ему не даёт.

— Насколько, насколько позволит горячее и свет. Наш ветер я знаю по коже, скорость дрейфа — по тому, как менялся берег, а часов и мерной линии у меня нет. Нарисую точный круг — сокру точнее, чем море.

Тимка кривит рот; рассечённая щека тут же отзывается, и он прижимает к ней мокрый край повязки.

— Лучше бы я слышал один короткий ответ. Тогда всё это не надо было бы считать по коже.

— Ответ не сделал бы лодку ярче, — говорю я. — Твоя передача дала им место, если её приняли. Наше дело — превратить четыре мокрые головы в признак, который можно отличить от гребня. Пока свет прибавляется, ищем, чем это сделать.

Мы перебираем только то, что действительно лежит перед глазами. Весло даёт тёмную вертикаль, но держать его поднятым долго Тимка не сможет. Планшет Литвинова светлее воды, зато потеря карты и записей оставит нас без курса. Внутренняя сторона чехла серо-белая; её можно расправить на лопасти, не отрывая от лодки. Федя ощупывает ремни и выбирает длинный конец от пустого чехла насоса.

— Сделаем флажок, который остаётся с нами, — решает он. — Тимка поднимет весло, когда появится звук. Аркаша закрепит светлую ткань двумя оборотами, чтобы ветер её развернул. Ножом ткань не режем: целый чехол потом снова подложим под колено.

— Узел я затяну правой, — Литвинов берёт ремешок. — Левую положу сверху, только как упор. Павел, держите корму: нам двоим придётся наклониться в одну сторону.

Я выбираю свою петлю до короткой длины, прижимаю кормовой баллон локтями. Федя задаёт момент после крупной волны. Литвинов и Тимка склоняются над веслом, оборачивают чехол вокруг верхней трети древка, оставляя свободный светлый угол. Штурман тянет узел здоровой рукой; раненой придерживает ткань предплечьем. Журавлёв встряхивает весло, и чехол раскрывается неровным треугольником.

— С воды заметнее, чем наши лица, — оценивает Федя. — Класть вдоль, тканью внутрь. Поднимать только по делу. Если начнёте махать каждому облаку, руки кончатся раньше самолёта.

Берег отделяется от облаков. Теперь я различаю низкую светлую кромку у воды и более тёмную полосу за ней. Расстояние всё ещё выражается не метрами, а невозможностью: даже здоровый пловец, выбравшийся из ледяной воды после аварии, не взял бы его одним дыханием, а Федя не умеет держаться на воде без линя.

— Суша есть, — говорю я, глядя поверх Тимкиного плеча. — Значит, направление у нас есть. Время до неё не обещаем. До следующей перемены света держим тот же порядок.

— А следующая перемена света какая? — спрашивает Журавлёв, расправляя пальцы на весле.

— Когда на воде появится блеск и начнёт мешать смотреть, — отвечает Литвинов. — Тогда перестроим наблюдение: один смотрит против света, второй вдоль него, третий закрывает ладонью сектор. Пока море матовое, ищем тёмное на сером.

Федя поднимает левую ладонь с леера, разгибает пальцы. Большой и указательный расходятся, средний запаздывает, безымянный остаётся согнутым.

— Моя граница приближается, — сообщает он. — Круглое и плоское пока различаю, узел от воды тоже. Но леер уже кажется тоньше, чем есть. Через десять крупных волн снова проверите. До этого меня не тяните внутрь: носу нужен вес снаружи.

— Через десять, — повторяю я. — Тимка считает нечётные, Аркадий чётные. Если собьёт одного, второй сохранит порядок.

Счёт начинается с волны, которая поднимает светлый лоскут на весле и на мгновение показывает нам собственную тень на воде. Мы ещё далеко от любого самолёта, но уже готовим тот единственный жест, который сможет добыть нас из блика.

За тёмной полосой Сырве, в бухте у Кихельконны, тот же рассвет ложится на крыло другой машины. Че-2 стоит у выносной бочки носом к ветру, слегка натягивая швартов. Вода постукивает в два редана, подкрыльные поплавки поочерёдно касаются короткой ряби. На береговом посту дежурный держит обрывок радиограммы двумя пальцами, чтобы мокрая бумага не свернулась обратно.

Капитан Андрей Киреев читает строку один раз, затем проверяет оборот. Перед решением он щурит левый глаз, хотя свет пока слабый.

— Время приёма здесь, квадрат здесь, позывной похож на обеспечиваемую нами группу, — говорит дежурный, прижав ладонь к журналу. — После второй передачи связь оборвалась. Последнее различимое: оба мотора и вода. Начальник базы поднимает одну машину сейчас, вторую держит готовой у бухты. Ты идёшь первым.

— Кто принял полный квадрат? — Киреев кладёт ноготь под вторую группу знаков.

— Радист услышал её дважды. На первом приёме последнюю пару закрыло помехой, на повторе взял целиком. Квитанцию дать пробовал, ответ уже не пришёл.

— Значит, у нас точка передачи и неизвестный дрейф, — Киреев возвращает бумагу. — Ветер после рассвета уточнили?

Из-за его плеча наклоняется лейтенант Максим Малягин, штурман экипажа. Он худ, длинные пальцы ещё в карандашной пыли, ворот комбинезона застёгнут неровно: подняли его из койки раньше, чем он успел найти вторую пуговицу.

— Береговой пост дал прежнее направление, сила гуляет. Над открытой водой будет яснее по гребню, — Малягин кладёт на стол свою карту и переносит квадрат с листка без округления. — От времени радиограммы до нашего выхода пройдёт около часа. Людей или лодку, если они вышли, унесёт к Сырве и южнее линии ветра. Я закладываю поисковую полосу от точки в обе стороны, с расширением к острову.

— Горючее? — спрашивает Киреев.

— Если берём ровно на поиск, посадку в море, повторный взлёт и возврат с запасом, получим четыре полных галса и один короткий. Полные баки дадут больше времени в воздухе, зато украдут у нас массу для найденных людей. Мы вылетаем спасать экипаж, значит, место под людей считаю до запуска, а не после находки.

Киреев смотрит на второго пилота. Старший лейтенант Семён Чугунов уже в комбинезоне, с меховой шапкой под мышкой; правая рука в свежем масле после проверки трубки.

— Семён, четыре лишних взрослых, мокрых, со снаряжением. Взлетим после посадки?

— Если штурман не зальёт нас горючим до крыши и море у найденных позволит выйти на редан, взлетим, — Чугунов отвечает не сразу; сперва он кладёт ладони на воображаемый штурвал и раздвигает их, будто уже чувствует лодку. — Но рассказывать будем по центровке, а не по чинам. Один тяжёлый человек в хвосте заставит нас таскать нос по воде. И перед вторым взлётом я лично пройду корпус изнутри: после посадки в волну могло дать течь по швам.

— Твоя правая кабина и контроль корпуса после приёма, — решает Киреев. — Малягин ведёт поиск и массу. Где Лобанов?

— Здесь я, — от радиорубки отзывается младший сержант Василий Лобанов. Он появляется с гарнитурой на шее и бухтой тонкого конца через плечо. Невысокий, крепкий, с жёлтой прядью волос над правым виском, он держит на ладони четыре деревянных клинышка. — Проверял кормовой люк. Вчера нижний замок заедал после соли, сегодня ходит. Конец уложил, петлю для подъёма связал. Радио прогрелось от берегового питания, позывные приняты. Если найдём людей, работать у люка буду я.

— Радио и задняя полусфера остаются твоими до посадки, — Киреев забирает один клинышек, рассматривает и возвращает. — У люка командуешь переходом людей, пока я держу машину. Вторую пару рук тебе даст тот, кто освободится первым. Моторы возле лодки держим на малом ходу, подход строим кормовой частью вне плоскости винтов. В воду за людьми никто не прыгает по собственной храбрости.

— А если лодку не подтянуть к люку из-за волны?

— Тогда держим её на конце и меняем положение Че-2. Самолёт тяжёлый, люди лёгкие; тяжёлое обязано подойти правильно. Ты не заставишь замёрзшего человека догонять борт под винтами.

Лобанов кивает и прячет клинья за пазуху.

Из аппаратной выходит начальник базы. Он не повторяет приказ, а прикладывает ладонь к квадрату Малягина.

— Вторая Че-2 останется готовой. После находки дайте радиограмму раньше, чем сядете: вода отнимет у радиста руки.

— Задачу понял, — Киреев забирает карту и разворачивается к двери. — Нашли — докладываем. Море выше допуска — вызываем вторую помощь.

Глава 7

Они выходят к бухте. В предрассветной сырости камни блестят, деревянные сходни пружинят под сапогами. Че-2 виден целиком: цельнометаллическая лодка с крылом-чайкой, два мотора в перегибах крыла, неподвижные поплавки под консолями. Зеленоватые разводы на серебристом металле теряются в серой воде. Служебная шлюпка уже ждёт у мостков; моторист придерживает её багром, двое техников сидят у ящика с инструментом.

— Борт у бочки проверили, вода в отсеках в норме, — докладывает старший техник, когда экипаж садится. — Масло прогревали по вашему распоряжению, винты свободны. Горючее залито по записке Малягина, бомбового груза и подвесок для задачи нет. Швартов снимем после запуска, шлюпка отойдёт под левое крыло.

— Назови, что осталось сомнительным, — Киреев садится на носовую банку лицом к самолёту.

Техник проводит языком по мокрой губе.

— Правый водяной отсек за ночь набрал больше вчерашнего на кружку. Шов сухим не назову, но течи струёй не нашёл. После первой посадки проверите снова. Левый мотор на прогреве дал более ленивое возвращение оборотов, затем три раза вышел ровно. Причину лениости не установил.

— Значит, Чугунов следит за левым отдельно и обещаний за него не даёт. Хорошо. Остальное?

— Кормовой люк Лобанов уже мучил сам. Верхний замок смазан, нижний закрывается с нажимом. Воду через щель не тянет.

— Принимаю. Семён, услышал?

— Левый мотор мой, правый отсек после посадки тоже мой, — Чугунов ставит сапог на край шлюпки и ждёт, пока она поднимется с волной. — Если обороты вернуться лениво второй раз, прерываем запуск и ищем здесь. В море причину из воздуха не вытащишь.

Шлюпка подходит к кормовой части Че-2 с подветренной стороны. Лобанов первым цепляет борт, вставляет клинышек в приоткрытый замок и проходит внутрь. Затем принимает карту Малягина и бухту конца, кладёт их дальше от мокрого пола. Штурман входит следом,

пригибаясь под набором корпуса, уходит вперёд к своей носовой кабине. Чугунов и Киреев поднимаются последними, каждый задерживается у люка на один качок, проверяя ногой, куда ставит вес.

Внутри пахнет металлом, морской водой, тёплым маслом и тканью чехлов. Малягин укладывает карту на столик в носу, прижимает углы планками, проверяет компас и часы. Лобанов проходит к радиостанции, надевает гарнитуру, затем открывает кормовой люк и выбрасывает наружу свободный конец швартова, чтобы техник видел его готовность. Киреев садится слева. Чугунов опускает откидное правое кресло, проверяет двойное управление и кладёт ладонь на свой сектор газа.

— Экипаж, проверяем не по памяти, а по рукам, — Киреев обводит кабину взглядом. — Семён?

— Управление свободно. Педали полные. Щитки убраны, гидравлический привод отвечает. Винты на исходном положении. Топливные краны по задаче. За левым мотором слежу отдельно, — Чугунов двигает штурвал до упора и возвращает в середину. — Правое кресло закреплено, спинка защёлкнута.

— Малягин?

— Квадрат нанесён, первая линия до южной кромки, затем параллельные галсы к северу с поправкой на дрейф. Высоту поиска уменьшаем ступенями после прибытия, чтобы свет и блик не съели обзор сразу. Запас на посадку и повторный взлёт сохранён. Массу четырёх найденных людей считаю допустимой при нынешнем горючем, но рассадку дам до разбега.

— Лобанов?

— Связь с берегом есть. Последняя радиограмма принята полностью на повторе, квитанция ушла без ответа. Кормовой люк закрыт на два замка, спасательный конец уложен восьмёркой, нож закреплён рукоятью к себе. Верх и корма мои.

— Запуск по правому, затем левый. Техники у винтов чисты?

Лобанов смотрит через боковой иллюминатор и передаёт наружный сигнал. Под правым крылом техник поднимает руку, второй отводит шлюпку за хвост. Киреев включает запуск. Винт проворачивается отдельными тяжёлыми движениями, мотор подхватывает, выбрасывает короткое облако дыма и выходит на неровный низкий рокот. Чугунов держит взгляд на стрелках и слушает каждый провал.

— Правый принимает, давление поднялось, — говорит он, убирая руку с газа только после того, как стрелка перестаёт ползти. — Температуру ждём. Левый можно готовить.

Левый винт начинает движение. Первый оборот даётся тяжелее, затем цилиндры подхватывают один за другим. Мотор кашляет, выравнивается. Чугунов добавляет совсем немного, возвращает рычаг и следит, как обороты опускаются.

— Вернулся без задержки, — сообщает он технику через жест Лобанова. — Проверю ещё на прогреве. Пока держит ровно.

Два мотора наполняют корпус разными вибрациями, которые через несколько секунд складываются в общий гул. Вода у бортов дрожит. Правый подкрыльный поплавок приподнимается от винтовой струи, снова касается гребня.

Малягин называет ветер по флажку у мостков и подтверждает направление выхода из бухты. Лобанов получает разрешение, освобождает бочку. Швартов падает в воду, техник выбирает его в шлюпку, отходит к берегу. Че-2 остаётся на собственных моторах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.